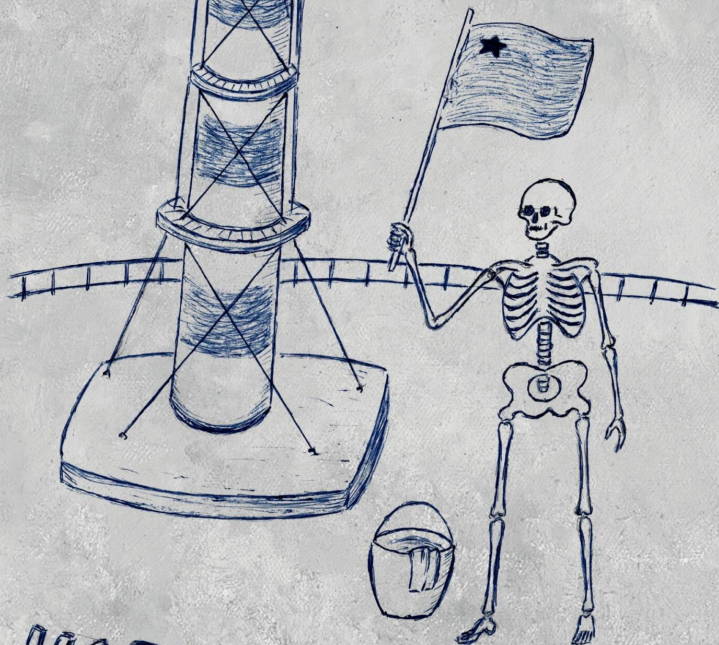

Виктор Ковалев

ЧАЭС ИМ ЛЕНИНА

СЕДЬМОЙ УРОВЕНЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Михайлович Ковалев

Седьмой уровень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70597924

SelfPub; 2024

Аннотация

О первом, самом героическом периоде ликвидационных работ на Чернобыльской АЭС в 1986 году написаны книги, сняты документальные и художественные фильмы. О втором, менее героическом, периоде ликвидационных работ на Чернобыльской АЭС в 1987 году практически не известно ничего. Моя книга призвана восполнить этот пробел в летописи ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. В своей книге я пишу о том, о чем еще никто не решился сказать вслух. Я пишу о проводимой руководителями ликвидационных работ, из числа старшего и высшего командного состава Советской Армии, целенаправленной политики геноцида в отношении людей, привлеченных к выполнению работ в зонах радиоактивного загрязнения – никого из тех, с кем мне в одно время пришлось выезжать на Чернобыльскую АЭС, давно уже нет в живых.

Содержание

Предисловие	4
1	13
2	15
3	18
4	23
5	27
6	34
7	39
8	43
9	54
10	59
11	64
12	68
13	79
14	83
15	90
16	96
17	99
18	104
19	108
Глава заключительная	112
1	112
2	124

Виктор Ковалев

Седьмой уровень

Светлой памяти моих товарищей, с кем мне в одно время пришлось выезжать на Чернобыльскую АЭС, светлой памяти моего друга, старшего лейтенанта запаса Игоря Полозкова – посвящается

Предисловие

Более 600 тысяч человек приняли участие в ликвидации последствий крупнейшей техногенной катастрофы XX века произошедшей на Чернобыльской атомной электростанции 26 апреля 1986 года.

Точное число людей погибших вследствие радиационного облучения не известно – умирали люди мучительной смертью спустя месяцы и годы после этой катастрофы.

Однако далеко не всем катастрофа на Чернобыльской АЭС принесла несчастье и горе, кому-то чужая беда принесла государственные награды и материальное благополучие.

Сказки ныне здравствующих героев из числа руководителей ликвидационных работ о том, что во главу угла ими ставился вопрос о сохранности здоровья людей привлеченных к выполнению работ в зонах радиоактивного загрязнения не должны оставаться мифом – нет ничего тайного, что не ста-

ло бы явным.

* * *

Прошли годы, боль утихла и Правительство Российской Федерации принялось методично вымарывать со страниц истории государства российского грязное пятно оставленное радиоактивным чернобыльским облаком.

О трагедии произошедшей 38 лет назад Правительство вспоминает только 26 апреля, в день памяти и скорби по погибшим, да и то ограничиваясь при этом констатацией факта.

Правительство и судебная власть Российской Федерации давно уже стали ассоциировать людей утративших здоровье вследствие выполнения работ в зонах радиоактивного загрязнения с назойливыми мухами облепившими сладкий пирог федеральной казны.

Правительственные чиновники и судьи всех ветвей судебной системы Российской Федерации люто ненавидят участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и целенаправленно добивают оставшихся в живых.

Так называемые ежемесячные «компенсации возмещения вреда» в размере более 200 тысяч рублей по решению суда получают полтора десятка человек из числа так называемых «высокооплачиваемых работников», из тех кто и близко не

приближался ни к одной из зон подвергшихся радиоактивному загрязнению. Тем же кто действительно работал в зоне отчуждения Чернобыльской АЭС, «гуманный» российский суд находит достаточным получать «компенсации» в размере не превышающем десяти-пятнадцати тысяч рублей в месяц. То, что людям утратившим здоровье вследствие радиационного облучения этой государственной подачки не хватает на приобретение лекарственных препаратов, так это даже и хорошо – скорее вымрут эти чернобыльские хикабуся (люди подвергшиеся радиационному облучению вследствие атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в 1945 году).

* * *

По зову Родины и мне пришлось принять участие в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. В мае 1987 года как военнообязанный, в воинском звании рядовой запаса, я был призван Армавирским городским военным комиссариатом для выполнения правительственного задания по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

В течении полутора месяцев на закрепленном за мной армейском автомобиле по приказу командира в/ч 47049 я вывозил людей в самую опасную зону радиоактивного загрязнения (третья зона опасности внутри зоны отчуждения) для выполнения работ по дезактивации объектов Чернобыль-

ской АЭС. При этом я даже испытывал некоторую гордость от сознания того, что и мой скромный труд вливается в общий труд направленный на сохранение благополучия, здоровья и самой жизни других людей. Теперь, как сказал герой повести Николая Островского «Как закалялась сталь» Павка Корчагин, в конце жизненного пути мне не будет мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Наконец, что-то важное и полезное в моей жизни будет сделано и для других людей. С полным правом после окончания работ на Чернобыльской АЭС я смогу назвать себя защитником Отечества.

Но сегодня от моей былой гордости не осталось и следа – Родина унизила меня не признав за гражданина принимавшего участие в работах непосредственно в зоне радиоактивного загрязнения.

Более того, сегодня мне даже стало стыдно назвать себя участником ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС – Именем Российской Федерации суд лишил меня всех прав гарантированных Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».

* * *

О первом, самом героическом, периоде ликвидационных работ на Чернобыльской АЭС в 1986 году написаны книги, сняты документальные и художественные фильмы.

О втором, менее героическом, периоде ликвидационных работ на Чернобыльской АЭС в 1987 году практически не известно ничего.

Моя книга призвана восполнить этот пробел в летописи ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Эта книга о периоде моего участия, с 22 мая по 12 июля 1987 года, в работах по дезактивации объектов Чернобыльской АЭС и о последующей неравной борьбе с государством за признание человеком и гражданином на которого распространяется действие Конституции Российской Федерации и Законов Российской Федерации.

В своей книге я пишу о том, о чем еще никто не решился сказать вслух.

Я пишу о проводимой руководителями ликвидационных работ, из числа старшего и высшего командного состава Советской Армии, целенаправленной политики геноцида в отношении военнообязанных привлеченных к выполнению работ в зоне радиоактивного загрязнения – никого из тех, с кем мне в одно время пришлось выезжать на Чернобыльскую АЭС давно уже нет в живых.

В своей книге я пишу о том, почему Закон РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» оказался недействующим в самой основной его части гарантирующей гражданам, утратившим здоровье и трудоспособ-

ность вследствие выполнения работ в зоне радиоактивного загрязнения, назначение пенсии по инвалидности, как пенсии вследствие трудового увечья.

Как же получилось так, что у людей в принудительном порядке выполнявших работы в зоне радиоактивного загрязнения не оказалось фактического заработка, начисленного на основании нормативных актов по оплате труда за дни работы в зонах опасности, зато у людей и близко не приближавшихся ни к одной зон подвергшихся радиоактивному загрязнению оказались самые высокие «доплаты за нахождение на ЧАЭС»?

Почему для того, чтобы получать гарантированные настоящим Законом РФ ежемесячные денежные выплаты, в виде суммы в возмещение вреда причиненного здоровью вследствие радиационного облучения, надо обращаться в суд?

И почему суд решает, кто достоин получать эти выплаты, а кто не достоин, руководствуясь при этом ни Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», ни документами о выполнении работ в зонах радиоактивного загрязнения, ни справками ВТЭ и МСЭ об установлении инвалидности и определении степени утраты профессиональной трудоспособности и ни документами о фактическом заработке начисленном на основании нормативных актов по оплате труда за дни работы в зонах опасности, а исключительно внешним видом истца (похож или не похож) и внут-

ренным убеждением отдельно взятого федерального судьи?

Как же получилось так, что тем кто работал на Чернобыльской АЭС сегодня «светлая память», а государственные награды и ежемесячные «компенсации возмещения вреда», тем кому выезды на Чернобыльскую АЭС приписывались за счет работавших в самой опасной зоне радиоактивного загрязнения?

На своем примере я пытаюсь объяснить эти вопросы. Дабы не принижать и без того не высокое доверие граждан к суду я представил «служителей Фемиды» Армавирского городского суда в более привлекательном виде чем они есть на самом деле. Если кому-то будет не интересно читать о законах и судебных постановлениях он может спокойно пропустить эти главы – моя книга не детективный роман. ругачицкого круга читателей.

Мою книгу интересно будет прочитать правительственным чиновникам, тем или иным образом причастным к Закону РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», депутатам Государственной Думы, судьям всех ветвей судебной системы, а так же работникам прокуратуры и следственных органов Российской Федерации.

Мою книгу интересно будет прочитать и обладателям удостоверения участника ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Возможно не всеми участниками, так называемыми «чернобыльцами», моя книга будет вос-

принята однозначно. Некоторые из них не согласятся с описанными в книге событиями и обвинят меня в попытке опорочить сложившийся в сознании российских граждан усредненный стереотип героя – «ликвидатора» аварии на Чернобыльской АЭС.

Но я уверен, что найдется несколько выживших человек, из тех кто в 1987 году в одно время со мною в принудительном порядке выполнял работы на Чернобыльской АЭС и кто сможет подтвердить все о то, о чем я пишу в своей книге.

* * *

Писать эту книгу я начал в далеком 2004 году. Закончить ее удалось только 19 лет спустя – в августе 2023 года.

Определением от 30 мая 2023 года № 1160-О Конституционный Суд Российской Федерации подвел итог моей многолетней борьбы с государством, за признание человеком и гражданином на которого распространяется действие законов и Конституции Российской Федерации, что в конечном счете и позволило мне поставить последнюю точку в этой книге.

Предлагаю читателю сокращенный вариант книги – это начальные главы о выполнении работ на Чернобыльской АЭС и заключительная глава о Конституционном Суде Российской Федерации и его Определении от 30.05.2023 года № 1160-О, в достаточной мере позволяющем понять причи-

ну бездействия Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции от 24.11.1995 г.), в части назначения пенсии по инвалидности, как пенсии вследствие трудового увечья, соответственно и в части назначения ежемесячной суммы в возмещение вреда (не может быть пенсии вследствие трудового увечья без возмещения вреда за данное увечье), исчисленных из фактического заработка (в соответствии с ранее действовавшим законодательством, до 01.01.2002 года для назначения пенсии по инвалидности вследствие трудового увечья и возмещения вреда за данное увечье принимался один и тот же фактический заработок, и наоборот) начисленного на основании нормативных актов по оплате труда за дни работы в зонах опасности, а так же понять и причину заставившую законодателя с 01.01.2002 года упразднить такое понятие, как пенсия по инвалидности вследствие трудового увечья, и приравнять всех участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС по пенсионному обеспечению к военнослужащим, которым полагалась «компенсация возмещения вреда» в твердом размере, в зависимости от группы инвалидности, безотносительно от выполнения работ в зонах радиоактивного загрязнения и заработка (денежного довольствия).

1

Украина. 26 апреля 1986 года. 01:23:45.

Взрыв реактора четвертого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции.

190 тонн «мирного» атома вырвалось наружу...

Три дня руководство Советского Союза хранит молчание, надеясь, что все обойдется...

На этот раз не обошлось.

* * *

Уже в мае военные комиссариаты страны начинают призыв военнообязанных на специальные сборы для выполнения правительственного задания по ликвидации последствий крупнейшей техногенной катастрофы XX века. Призыву подлежат лица первой категории не репродуктивного возраста – от тридцати лет и старше. Одновременно, негласно, идет набор добровольцев для сооружения «саркофага» (позднее переименованного в объект «укрытие») над разрушенным энергоблоком. Привлекаются рабочие в основном строительных специальностей. Гарантированные Правительством СССР условия работы очень привлекательны: Вахтовый метод. Шестичасовой рабочий день, с учетом

перерыва на обед. Бесплатное питание. Достойная заработная плата. Добровольцев достаточно – набор идет на конкурсной основе. Многие в нашем полунищем государстве просто хотят подработать месяц-другой на Чернобыльской АЭС. Не часто фартит такая удача, за несколько месяцев можно заработать, и на квартиру, и на машину, да еще и останется.

А о плохом думать не хочется.

2

Краснодарский край. Город Армавир – провинциальный, заштатный городишко, уютно расположившийся на левом берегу быстрой и мутной речушки, носящей красивое и гордое название – река Кубань.

Город основан армянами в 1837 году: Арма – ворота. Вир – ветер. Очень точное название, в переводе на русский – аэродинамическая труба.

* * *

На стене проходной орденоносного комбината ПМДО Армавир появляется плакат с фамилией первого человека призванного на специальные сборы для выполнения правительственного задания по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. В августе подходит и моя очередь – получаю повестку от военкомата с предписанием прибыть к 8-и часам утра в третью поликлинику для прохождения медицинского обследования.

Мне 39 лет. Я в отличной физической форме. Не курю. Могу проплыть 10 километров, и даже больше, и бежать средним темпом хоть целый день пока не надоест.

В фойе поликлиники на первом этаже уже собралось

несколько десятков человек. В толпе увидел старых знакомых по прежней работе. С одним из них, Валентином, я работал в ПАТП № 2, с другим, Даниилом, в автоколонне № 1198. Оба, как и я, водители первого класса. Никто из них не рвется на Чернобыльскую АЭС выполнять правительственное задание. Я тоже не горю патриотическим желанием исполнить свой гражданский и воинский долг в зоне радиоактивного загрязнения, но и прятаться за спины других не хочу – если я не поеду на сборы, значит, вместо меня на Чернобыльскую АЭС должен будет поехать кто-то другой.

Порядок прохождения медицинского обследования стандартный. Каждому выдается листок – «бегунок», с перечнем врачей тех специальностей, которых мы должны обойти. В кабинеты заходим сразу по несколько человек. После вопроса: «Жалобы есть», врач ставит в «бегунке» свою подпись.

Лично у меня жалоб нет. Сердце бьется ровно – артериальное давление 120 на 80 миллиметров ртутного столба. В кабинете врача-окулиста медсестра проверяет зрение. Читаю нижнюю строчку. Мог бы прочитать и более нижнюю, если бы таковая была. Тем не менее, из пяти человек в кабинете врач отбирает именно меня, вероятно как наиболее «старого» (средний возраст призывников 33–34 года) для более тщательной проверки зрения: Ложусь на кушетку, медсестра закапывает в глаза какие-то капли расширяющие зрачки. Измеряет внутриглазное давление – все в норме.

В ЛОР кабинете Даниил жалуется на поврежденную, в ре-

зультате дорожной аварии, барабанную перепонку правого уха, ничего не слышит этой стороной – пустяк, не препятствующий исполнению воинского долга. Ни один человек в этот день не был забракован врачами по состоянию здоровья. Вердикт медицинской комиссии однозначный: *«Годен к строевой службе и работе с радиоактивными веществами»*.

Выйдя на улицу практически теряю зрение – яркий солнечный свет через расширенные зрачки обжигает глаза. Испытываю острую боль, из глаз непроизвольно катятся слезы.

3

Следующим днем, с медицинским заключением на руках и с сознанием важности и ответственности от возложенной на меня миссии, я поднялся по ступенькам Армавирского военкомата.

Призывом военнообязанных на специальные сборы по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы занимается офицер в воинском звании капитан.

Объясняю капитану.

– Дома у меня остается жена с двумя детьми. Младшей дочке, Светлане, уже исполнилось полтора годика, но она до сих пор еще не устроена в детский садик.

Через 15 минут капитан вручил мне письмо военкома для заведующей детским садиком, в который ходит мой сын, с просьбой устроить в этот же садик и мою дочку.

Утром следующего дня в детский садик я привел обоих своих детей. Сердце наполнилось гордостью за самого себя – Родина вспомнила и позаботилась обо мне, как только я оказался ей нужен.

* * *

1 октября 1986 года в СМИ появилось сообщение о том,

что под промышленную нагрузку поставлен 1-ый энергоблок Чернобыльской АЭС, а над разрушенным 4-ым энергоблоком завершено перекрытие защитного сооружения – в какой-то момент показалось, что главная опасность уже миновала и я опоздал к раздаче наград.

Но три дня спустя меня будит дверной звонок – первый час ночи, только лег, рано утром вставать на работу. Открываю дверь, у порога с повесткой в руках стоит посыльный от военкомата.

– Ты еще позже не мог прийти?

– Днем же вас дома никого не застанешь.

Расписываюсь на отрывном корешке повестки: «Прибыть к месту сбора с личными вещами, имея при себе водительское удостоверение».

Слава Богу! Родина не позабыла обо мне.

* * *

С утра начинаю готовить служебный автобус для передачи другому водителю: меняю перегоревшую лампочку подфарника, доливаю масло в картер двигателя и выезжаю на автозаправочную станцию.

Ранним утром на АЭС ни одной машины. Не желая делать «круг почета» в несколько кварталов заезжаю на заправочную станцию под знак «Движение запрещено». Вставив «пистолет» в горловину бензобака и подойдя к окошку опера-

тора вдруг почувствовал как кто-то сзади с силой сжал мою левую руку выше локтя. Обернувшись, увидел старшину роты ГАИ с перекошенным от праведного гнева лицом.

* * *

Проезжая мимо на личной «копейке» старшина роты ГАИ издалека заметил как я заехал на автозаправочную станцию не с той стороны с которой положено и оперативно изменив маршрут движения подъехал к АЭС – грех упустить возможность по дороге на работу «срубить» три рубля (в советские времена это была «официальная» такса – бутылка водки стоила 2 руб. 87 коп.).

Старшина выше меня и шире, ощущение такое будто мою руку сжали тисками, но это мы уже проходили – напрягаю руку, сжимаю ее в локте и движением корпуса в сторону старшины освобождаюсь от захвата – «железные» пальцы старшины в один миг превратились в пластилиновые.

Брезгливо отдергиваю руку.

– Я не люблю когда меня щупают.

Конечно, иногда я нарушаю правила дорожного движения, тогда я не спорю с инспектором ГАИ и молча протягиваю талон предупреждений для компостерной просечки в соответствующей графе. Сейчас же я еще не успел совершить нарушение правил дорожного движения. Запрещающий знак «Движение запрещено» не запрещает въезд под

этот знак, он только запрещает сквозной проезд, в данном случае через территорию АЭС. В случае же разворота на территории автозаправочной станции для движения в обратном направлении никакого нарушения ПДД не было бы, но старшина хочет получить с меня три рубля как за уже совершенное нарушение.

Старшина роты ГАИ по городу Армавиру не является инспектором дорожно-патрульной службы. По существу старшина – это простой завхоз при военизированном подразделении. Ни нагрудного знака, ни бланков для оформления протокола о нарушении ПДД, и даже компостера для просечки отверстия в соответствующей графе талона предупреждений у него нет.

Первое правило милиционера – это запугать потенциального преступника, показать ему кто сильнее и подавить волю гражданина Советского Союза к сопротивлению. Именно по этой причине старшина роты ГАИ вместо положенного по уставу представления своей личности и своих должностных полномочий и использовал по отношению ко мне методы физического и психического воздействия.

Объяснять старшине зону действия запрещающего знака «Движение запрещено» бесполезное занятие, у него свое понимание правил дорожного движения. Повестка о призыве на специальные сборы возымела обратное действие – такса моментально возросла до десяти рублей. Старшина понимает, что перед отъездом на Чернобыльскую АЭС водитель за

свои «права» не пожалеет никаких денег.

Возможно, исходя из сложившейся ситуации, в этот раз я и дал бы старшине, если и не десять, то хотя бы три рубля на похмелье, но в кармане у меня как назло ни копейки. От предложенного талона на десять литров бензина старшина гордо отказался.

Забрав без лишних формальностей мое водительское удостоверение «инспектор» предложил явиться за ним к нему в каптерку роты ГАИ к 18 часам.

Но в этот вечер старшина милиции так и не дождался меня в своей каптерке.

4

На следующий день, с несколькими такими же военнообязанными, я прибыл на сборный пункт в полк гражданской обороны войсковой части № 47049, дислоцировавшийся в станице Динской.

Встретили нас четыре офицера старшего командного состава прибывшие за пополнением. Среди них каким-то образом оказался и один морской офицер. Капитан первого ранга, которому я объяснил причину отсутствия у меня водительского удостоверения, мне не поверил. Но без водительского удостоверения я оказался никому не нужен и бесславно был отправлен обратно, туда же откуда и прибыл.

* * *

По возвращении из станицы Динской мое водительское удостоверение обнаружилось в МРЭО ГАИ. Направляя на передачу экзамена по правилам дорожного движения, начальник автоинспекции сочувственно ободрил.

– Повезло! Не попал на Чернобыльскую АЭС.

Там же в МРЭО ГАИ встретил своего старого знакомого, Валентина, с которым два месяца назад я проходил медицинское обследование в третьей поликлинике.

– А я откупился от сборов – 200 рублей (с/м заработная плата в 1986 году) и бутылка коньяка капитану – гордо пояснил Валентин.

Сдав экзамен и вернув «права», я не стал возвращаться в транспортный цех головного предприятия ПМДО «Армавир», где до этого работал водителем, а перевелся на завод ДСП (древесностружечных плит) на должность машиниста портального башенного крана.

* * *

14 декабря 1986 года газета «Правда» опубликовала сообщение: «Государственной комиссией принят в эксплуатацию комплекс защитных сооружений поврежденного энергоблока. Разрушенный реактор перестал быть источником загрязнения окружающей среды...».

Проработав более полугодом на башенном кране, без какого-либо беспокойства со стороны военкомата я уже начал переживать, что на Чернобыльской АЭС обошлись и без моего участия. Но в мае 1987 года меня будит дверной звонок – у порога с повесткой в руках стоит посыльный.

На этот раз в станицу Динскую со всех концов Краснодарского края съехались десятки автобусов. Сотни военнообязанных заполнили просторный плац войсковой части № 47049. Построив и пересчитав, нас переодели в легкие хлопчатобумажные костюмы цвета хаки и обули в новые

кирзовые сапоги. Из расчета надвое суток сухим пайком раздали консервы.

Во второй половине дня, после очередного построения и переключки, прозвучала команда.

– На пра-аво. Шагом марш!

Нестройными колоннами, с новенькими вещмешками за спиной мы прошли на железнодорожный вокзал станицы Динской, где нас уже поджидал состав из девяти плацкартных вагонов.

В купе вагона я более близко познакомился и сошелся с ребятами, с которыми мне пришлось делить сухой паек: Николай и Сергей – оба из Армавира, оба на шесть-семь лет моложе меня, оба простые работяги – Николай токарь, Сергей формовщик.

Николай атлетического сложения парень со свежим шрамом на подбородке, распухшей щекой и кровоподтеком под левым глазом, рассказал.

– Два дня назад, немного за полночь, в своем новом костюме я возвращался домой из гостей под легким шафе. Чувствовал себя нормально, до дома оставалось пройти полтора квартала. Вдруг возле меня притормозил милицейский «воронок». Из него вышли два мента, молча взяли меня под руки, и попытались затолкать в свой «воронок». Я мастер спорта по греко-римской борьбе – в один миг оба мента оказались на земле. Тогда менты схватились за свои дубинки – один удар дубинкой по сухожилию и рука повисает как плеть. До-

бивали меня сапогами уже лежащего на полу в помещении медвытрезвителя – костюм жалко, один раз только и успел надеть.

После задумчивой паузы Сергей признается.

– А меня в милицию не взяли. Хотел после армии продолжить службу в рядах милиции, на вопрос в анкете: «Приходилось ли Вам когда-нибудь воровать?», указал, да в детстве с ребятами воровал яблоки в совхозном саду.

Святая простота!

– Сережа! Тебя в милицию не взяли ни потому, что ты в детстве с ребятами воровал яблоки в совхозном саду, а потому что признался в этом – не нужны в милиции честные и порядочные люди.

* * *

Состав останавливается у перрона вокзала станции Тихорецкая. Из вокзальных репродукторов через открытые окна вагона доносится объявление: «На первый путь, к первой платформе прибыл туристический поезд № 648. Стоянка поезда 10 минут».

Отправляем Сергея, как самого молодого, на перрон за водой.

5

22 мая 1987 года прибыли на место назначения.

Населенный пункт Новая Радча (Народнический район, Житомирской области, Украинской ССР) расположен в живописной местности на берегу небольшой речушки в относительно чистой зоне – до Чернобыльской АЭС около 80-ти километров.

Людей на улице не много, все кто мог уехать куда-нибудь, уже уехал. Работает магазин и почта. Некоторые местные жители заняты достройкой своих садовых домиков.

Полк развернут нашими предшественниками в 1986 году на базе полка гражданской обороны № 47049 по временной схеме, но имеет вид основательной войсковой части.

В центре находится просторный плац для построений. Плац посыпан чистейшим желтым песочком. Каждые два часа поливочная машина поливает плац водой не давая ему просохнуть. Первое впечатление от встречи с воинской частью самое позитивное – в полку строго соблюдаются все меры радиационной предосторожности.

Дорожки посыпаны песочком, бордюры аккуратно побелены. Вдоль дорожек банеры – обязательный атрибут советской войсковой части, вроде тех, что украшали наш танковый полк в 60-х годах, с патриотическими лозунгами: *«Кто любит свою партию и народ, тот настоящий патриот»*

или еще круче: *«Не тот силен, кто по железу ходит, а тот силен, кто железо водит»*.

С левой стороны плаца расположился ряд больших утепленных армейских палаток для рядового состава. Изнутри, вдоль стен палаток выстроились солдатские двух ярусные кровати. Посредине палаток с зимы остались стоять печки-буржуйки.

В такой же палатке размещен и красный уголок. Напротив входа висит транспарант: *«Работа на Чернобыльской АЭС оплачивается в пятикратном размере»*. Правда, непонятно в каком именно размере, то ли среднего заработка, то ли оклада, то ли еще чего-либо, но тогда я не придал этому обстоятельству никакого значения.

В углу палатки на тумбочке стоит черно-белый телевизор. Телевизор ничего не показывает, зато рядом на столе лежат несколько подшивок центральных газет: «Правда», «Известия», «Труд» и других. Все подшивки изрядно потрепаны, но вовсе не оттого, что кто-то читал эти газеты. Газеты используются для другого, более большого и более нужного дела – пример трогательной заботы командования о личной гигиене людей привлеченных к выполнению важного правительственного задания. Сам дощатый туалет на полтора десятка полусидячих мест расположен неподалеку в лесочке, в десяти шагах за «красным уголком».

На противоположной стороне плаца расположились деревянные строения: штаб, сборные финские домики для офи-

церского состава и домик медсанчасти. Дальше, в конце территории находится еще одно просторное деревянное строение – это столовая, в помещении которой по вечерам крутятся старые фильмы. По соседству со столовой примостились магазинчик военторга и полевая баня.

Правда, баня слишком громко сказано – это стандартная утепленная армейская палатка, с двумя скамейками у входа для одежды и несколькими рядами душевых распылителей. Вода нагревается в специальной водогрейке, смонтированной на шасси армейского автомобиля, стоящего рядом с «баней».

Неподалеку от территории части, через дорогу, расположен и парк техники. Парк оборудован всем необходимым: диспетчерской, ремонтными боксами, аккумуляторным отделением, складами ГСМ и запчастей.

* * *

Численность личного состава части составляет немногим более 900 человек. За исключением командира полка, кадрового военнослужащего, войсковая часть полностью сформирована из военнообязанных. В этот день мы более чем на две трети сменили личный состав части. Обычно же смена «старослужащих» производилась текущим порядком, по несколько десятков человек.

Построив нас, вновь прибывших на плацу и произведя пе-

рекличку, командир полка предложил выйти из строя больным, иными словами не желающим работать на Чернобыльской АЭС. Из строя вышел один человек с жалобой на боли в животе. В этот же день с вещами он был отправлен в Киев, в военный госпиталь (Забегая вперед скажу – этот человек поторопился, позже ему отказали в выдаче удостоверения участника ликвидации аварии на ЧАЭС. Тем же военнообязанным, у кого понос начался несколькими днями позже, сегодня выплачивается самая высокая «компенсация возмещения вреда здоровью», исчисленная из так называемого «условного заработка за нахождение на ЧАЭС»).

Оставшиеся в строю приказом командира зачисляются в списки личного состава войсковой части. Донимают чернобыльские комары. Их тучи. Все в два раза крупнее обычных комаров и во столько же раз злее. Стоя в строю бьем комаров на шею друг у друга (позже, с началом установившейсялетней жаркой погоды, комары бесследно исчезли – кровососущие насекомые-мутанты не смогли пережить сорокаградусную жару).

В первую очередь командир полка отбирает из вновь прибывшего пополнения людей которые будут заняты на вспомогательных работах при войсковой части – это повара, медбратья, разного рода специалисты для работы в парке техники и, конечно же, писаря для работы в штабе. Примерно одна треть пополнения. Остальные две трети – это личный состав части задействованный для выполнения работ в зонах

радиоактивного загрязнения.

К этому времени все уже знают, что тот, кто выезжает на работу на Чернобыльскую АЭС набирает свою дозу облучения за полтора-два месяца и уезжает домой, тот же, кто безвыездно остается при войсковой части набирает свою дозу облучения за четыре-пять месяцев (максимальный срок прохождения военных сборов шесть месяцев).

Исключение составляли только писаря из штаба. Ни разу не выходя за пределы части, они каким-то мистическим образом умудрялись набрать максимально допустимую дозу облучения даже быстрее тех, кто работал непосредственно на Чернобыльской АЭС, в самой опасной зоне радиоактивного загрязнения.

* * *

До катастрофы на Чернобыльской АЭС предельно допустимая годовая доза облучения, установленная нормативными актами для персонала станции, не должна была превышать 5 бэр (биологический эквивалент рентгена). После 26 апреля 1986 года компетентными работниками от здравоохранения безопасная годовая доза облучения была повышена в пять раз, то есть была определена дозой в 25 бэр – примерно той дозой, которую человек получает при прохождении полного рентгеноскопического обследования. В связи с завершением возведения «саркофага» над разрушенным 4-

ым энергоблоком, безопасная годовая доза облучения, этими же компетентными работниками от здравоохранения, с 1 января 1987 года была понижена до 10 бэр, то есть до той дозы, которую человек получает в течение года, сидя по вечерам перед телевизором при просмотре информационной программы «Время».

В общем, по сравнению с военнообязанными призванными на сборы в 1986 году нам всем здорово повело – нам предстоит получить, точнее набрать, дозу облучения в два с половиной раза ниже прошлогоднего «безопасного» уровня. Поэтому многие из тех, кто был отобран командиром полка для выполнения вспомогательных работ при войсковой части, за исключением писарей, медбратьев и поваров, я бы даже сказал, рвались работать на Чернобыльской АЭС. И не столько ради того чтобы подзаработать, сколько ради того чтобы поскорее набрать свои десять «шитиков» и побыстрее уехать домой.

Командиру полка даже пришлось успокаивать этих людей.
– Не волнуйтесь, выезды на Чернобыльскую АЭС вам тоже будут начисляться, только в несколько меньшем количестве.

* * *

В части все называют набранные бэры шитиками. Откуда появился этот, еще один синоним слова рентген, никто тол-

ком объяснить мне так и не смог. По одной из версий, одна местная бабушка, после того как ей сообщили новость о том, что в ее хате обнаружено несколько рентген, кинулась искать эти рентгены по всем углам, но забыв ученое слово, старушка окрестила невидимых тварей шитиками.

После построения один из писарей предлагает вновь прибывшим в часть подписать расписки установленного образца о том, что мы обязуемся не купаться в реке, протекающей неподалеку от населенного пункта. Мы, взрослые люди, и без всяких расписок не собирались купаться в этой речушке. Местные же ребяташки никому не давали расписок и поэтому все лето весело плескались в воде (только позже до меня дошло, что это была всего лишь иллюзия трогательной заботы командования о здоровье людей, заведомо обреченных им на верную смерть).

6

Первый факт геноцида следует незамедлительно – старшина полка забирает «на хранение» в свою каютерку наши легкие хлопчатобумажные костюмы в которых мы прибыли в полк – эти костюмы предназначались для повседневной носки в чистой зоне на территории полка. Взамен старшина выдает нам рабочую одежду из плотной мягкой ткани.

– Это специальная ткань, со свинцовой пропиткой, она на все сто процентов защитит вас от радиоактивного облучения.

Нам повезло со старшиной. Старшина оказался веселым человеком с чувством юмора.

Вместо легких пилокоток получаем шапочки с козырьком, похожими на те, что носят заключенные в тюрьмах, только другого цвета – цвета хаки. Теперь это «защитное» обмундирование нам предстоит носить бессменно до окончания сборов, и во время работы на Чернобыльской АЭС, и находясь на отдыхе в чистой зоне на территории полка (уже через неделю эта роба «звенела» в три раза выше, чем отмываемый мною на ПуСО (пункт спец обработки) автомобиль).

В этот же день мы были разбиты по батальонам. Я попал в 3-й батальон санитарной обработки (БСО), Николай и Сергей оказались в соседнем 2-ом батальоне. Разместили нас в просторных, но душных армейских палатках без окон. Мне

досталась кровать на втором «этаже», в самом дальнем от входа углу. Соседом по кровати оказался грузин, прибывший в полк раньше нас. Это было тем более удивительно, что кроме него в полку я не увидел ни одного другого грузина или армянина, или еще какое-либо лицо кавказкой национальности, коих немало в городах нашего Северного Кавказа.

На следующее утро этот грузин полез в кузов грузового автомобиля и вместе со всеми выехал на Чернобыльскую АЭС. А ведь ему, как и его сородичам, ничего не стоило откупиться от сборов, ну или на худой конец уже здесь, в полку, пристроится в тепленьком местечке при хлеборезке.

Через три дня этот грузин сменился и уехал домой. Я даже не успел узнать как его зовут.

* * *

Строем прошли в столовую. На обед баланда из кислой капусты, именуемая щами, и жиденькая гречневая каша с мясом. Мясо подается не тоненькими волокнами порционно, как в период срочной службы, а строго отсчитанными двумя кусочками в каше. Каша-размазня приготовлена поварами с запасом, можно даже просить добавки, понятно что уже без мяса.

В период срочной службы в армии гречневая каша на обед нам подавалась только по большим праздникам, да и то не каждый раз. И после обычной перловки или пшенки гречне-

вая каша воспринималась как достойный праздничный обед. Здесь же на сборах жиденьякая гречневая каша на обед подается нам каждый день. Но почему-то это обстоятельство меня уже больше не радует. Я не гурман, ем все что дают, но не до такой же степени – вылавливаю из каши кусочки мяса и отодвигаю миску в сторону, надо же и пороссятам что-то оставить. И никаких тебе гастрономических излишеств, в виде огурчика или помидорчика – где же их взять в кубанском полку?

На третье чай с молоком. Чай наливается в эмалированную кружку строго на две трети и никакой добавки.

В советские времена молоко считалось панацеей от всех бед и зол. На производствах с вредными условиями труда в обеденный перерыв каждому работнику бесплатно выдавалась пол-литровая бутылка молока. Но здесь на сборах по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС каждому военнообязанному выдавать по пол-литровой бутылке молока в день было бы верхом расточительства – хватит и нескольких капель в кружку.

На вечерней поверке командиру даже пришлось оправдываться перед строем.

– Думаете, это так просто готовить пищу на 900 человек!?

Столь не убедительное объяснение командиром полка причины приготовления поварами из самых дешевых продуктов не вкусной и однообразной пищи невольно наводило на мысль о том, что немалая часть денежных средств, выде-

ляемых на закупку провианта для усиленного питания людей привлеченных к выполнению работ в зонах радиоактивного загрязнения, оседала не только в кармане у одного старшины.

* * *

Жара, во рту все пересыхает. Желание одно – пить. Пьем воду прямо из-под крана. Чуть позже, раз в две недели, начали выдавать суточные из расчета 2 рубля 80 копеек рядовому составу и 3 рубля 50 копеек командирам.

Постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 05.06.1986 г. № 665–195, постановлялось: *«Выплачивать работникам, в том числе военнослужащим и военнообязанным, призванным на сборы, суточные в размере 3 рубля 50 копеек».*

Согласно настоящего Постановления всем, независимо от звания, должности и выполняемой работы полагалось выплачивать суточные в одинаковом размере – 3 рубля 50 копеек. Понятно, что писарям из штаба не хватало своих суточных, но понятно и другое, без ведома и согласия командира части писаря не посмели бы обворовывать военнообязанных рядового состава.

Как бы там ни было, но теперь у нас появилась альтернатива воде из-под крана – возможность купить в магазинчике военторга минеральную воду.

Самое же интересное при этом заключалось в том, что эта же самая минеральная вода полагалась нам совершенно бесплатно, да к тому же еще и без всякого ограничения.

На следующий день после прибытия и зачисления в списки войсковой части принимаю вернувшийся с Чернобыльской АЭС грузовой автомобиль Зил-130.

Для рядового солдата поездка на станцию в комфортном автобусе была непозволительной роскошью и влекла за собою дополнительные расходы государственных бюджетных средств. Поэтому, и летом и зимою военнообязанные, привлеченные к выполнению работ в зонах радиоактивного загрязнения, выезжали на Чернобыльскую АЭС в кузовах грузовых автомобилей сидя на деревянных скамейках. Но командование позаботилось об этих людях – каждый автомобиль был оборудован будкой сколоченной из досок. То, что в будках не было окон, так это даже и хорошо – меньше сквозняков. А зимою в будке вдобавок ко всему на ходу топилась жестяная печка, так что четыре часа, по дороге на ЧАЭС и обратно, военнообязанные проводили в тепле – спасибо командованию за заботу о людях привлеченных к выполнению важного правительственного задания.

* * *

Двигатель троит, из картера балки заднего моста, через

прокладку редуктора, гонит масло. Никто из моих предшественников не хотел заниматься машиной, лишь бы как ни будь отъездить свои полтора-два месяца и поскорее домой. Мне тоже не хочется терять день на разборку заднего моста для замены прокладки редуктора, поэтому просто доливаю масло в картер редуктора. Выписываю на складе комплект свечей, высоковольтных проводов и трамблер (прерыватель-распределитель) в сборе – завтра заменю на Чернобыльской АЭС. Заправляю автомобиль прямо с бензовоза и бегу в полк на вечернюю поверку.

Строимся на плацу побатальонно. Командир полка проводит перекличку. Один военнообязанный, из ранее прибывших в полк, не в состоянии крикнуть «я». Его держат под руки двое других военнообязанных. Бедолага не рассчитал своих сил, перебрал дешевенькой горилки, которую гнали местные бабушки из прошлогоднего бурака (этим бураком не рекомендовалось кормить даже скот, но не пропадать же добру). В таком состоянии этот человек на вечерней поверке появляется во второй, или даже уже в третий раз. Командир полка дает указание писарю подготовить приказ об исключении его из списков части (позже этот человек будет всем рассказывать, как ему здорово повезло – сегодня он получает самое высокое «возмещение вреда здоровью», исчисленное из так называемого «условного заработка», как «находившемуся на ЧАЭС» менее одного полного календарного месяца).

По окончании поверки командир полка объявляет благодарность отдельным военнообязанным, как выезжавшим на Чернобыльскую АЭС, так и занятым на вспомогательных работах при войсковой части. Благодарность выносится не только в устной форме, но и вручается в виде красочной грамоты отпечатанной на качественной лощеной бумаге со звездой на лицевой стороне и общим видом Чернобыльской АЭС на развороте. Такую благодарность можно и в рамку вставить и на стену повесить. Но красивых, типографских грамот на всех не хватает. Поэтому большинству военнообязанных командир вручает «благодарность» в виде черно-белых открыток, заполненных от руки писарями. Куда девать такую «благодарность»? Показать кому и то стыдно.

Я не знаю ни одного человека, у которого к концу сборов не набралось хотя бы с пол десятка таких «благодарностей» – так, что писаря в штабе тоже без дела не сидели.

После объявления благодарностей командир полка зачитывает приказ на завтра о выделении людей на работы по дезактивации объектов Чернобыльской АЭС. Командир указывает номер машины, называет фамилию старшего машины и фамилию водителя. После этого командир зачитывает фамилии людей закрепленных за этой машиной. Услышав свою фамилию я уже больше не прислушиваюсь о чем говорит командир.

Команда.

– На пра-аво! Шагом марш!

Чтобы никто не забывал, что он находится в армии, каждый вечер строем маршируем по плацу. Проходя мимо трибуны командира переходим на строевой шаг.

Прошли не очень, командиру не понравилось. Идем на второй заход.

Строй в армии дело святое. В этот момент так не хватает песни, которую мы орали на строевых занятиях в нашем танковом полку.

Люблю я Маньку,
эх, она каналья!
Люблю я Маньку,
и боле не кавы!

После прохождения второго круга расходимся по палаткам. 22 часа – отбой.

Привязываю к спинке кровати полотенце – это знак дневальному разбудить меня в 4 часа – то ли еще ночи, то ли уже утра.

8

В темноте, еще не до конца проснувшись, на ощупь бреду к умывальнику. Умывальник – это обычная водопроводная труба, лежащая на двух треногах. В трубу вварено полтора десятка краников.

Умывальник расположен в десяти шагах за палаткой, в лесочке на свежем воздухе под открытым небом. Совсем как в нашем летнем пионерском лагере, в котором однажды в детстве мне посчастливилось отдыхать. Умывальник на природе – это здорово. Плещу в лицо холодной водой – глаза, наконец, начинают разлипаться.

Облачившись в свою «защитную» робу со «свинцовой пропиткой», бегу в парк техники. Выезд на Чернобыльскую АЭС в 6 часов. За два часа мне надо успеть подготовить автомобиль к выезду – пройти предрейсовый медконтроль, выписать путевой лист и позавтракать.

Завожу автомобиль и подъезжаю к диспетчерской. Процедура медконтроля стандартная – медбрат измеряет артериальное давление, нюхает стакан, в который я предварительно дыхнул и просит зайти в медсанчасть сдать кровь на анализы. Писарь из штаба выписывает путевой лист: «Новая Радча – Диброво – ЧАЭС».

Выезжаю за шлагбаум и ставлю автомобиль в хвост колонны вытянувшейся вдоль дороги. После этого бегу обратно в

полк и захожу в медсанчасть. Все направляемые на ЧАЭС уже сдали кровь – весь стол уставлен обезличенными пробирками с кровью. Медбрат берет кровь из вены и пробирка с моей кровью приобщается к общей куче – медбратья даже и не пытаются создавать видимость последующего исследования взятой на анализ крови. В отношении людей обреченных командованием на верную смерть в этом не было никакой необходимости.

* * *

После этого случая я уже ни разу не приходил в медсанчасть сдавать кровь «на анализы» – не было желания подыгрывать медбратам в важности выполняемой ими работы, все в том же спектакле командования под названием: «Трогательная забота о здоровье людей, заведомо обреченных на верную смерть».

За весь период работ по ликвидации аварии на ЧАЭС не было выявлено ни одного случая понижения в крови военнообязанных уровня эритроцитов. И вовсе не потому, что кровь военнообязанных не подвергалась лабораторным исследованиям, а исключительно благодаря молитвам командования о здоровье людей, заведомо обреченных им на верную смерть.

В столовую успеваю одним из последних. Все направляемые на ЧАЭС уже позавтракали. На столе меня ожидает оди-

нокая миска с остывшей кашей и неполная кружка чая. Съедаю ложку каши, запиваю тремя глотками чая и бегу обратно к своей машине.

В колонне, вытянувшейся вдоль дороги на сто метров полтора десятка машин. Возле каждой машины, во главе со старшими машин, повзводно, выстроились военнообязанные задействованные для выполнения работ на Чернобыльской АЭС. Подбегаю к своей машине и по уставу, прикладывая пальцы кисти правой руки к виску, здороваюсь с командиром.

– Здравия желаю товарищ капитан!

Командир протягивает мне руку, я отвечаю крепким рукопожатием и становлюсь в строй рядом с ним.

* * *

В армии за руку с солдатом рядового состава командир здоровается только со своим водителем. Думаю, что это нарушение воинской субординации вызвано нашим длительным общением тет-а-тет. За время длительного совместного нахождения в кабине автомобиля командир узнает своего водителя как личность. В свою очередь водитель в командире видит не просто командира, а обычного человека. Общение сближает нас. Я уже в курсе некоторых подробностей из биографии командира и его планов на будущее. Например, я уже знаю, что здесь на станции капитан познакомил-

ся с молодой женщиной. Женщина в его вкусе, помимо того, что она симпатична, она еще и образованна. А общаться с красивой и умной женщиной вдвойне приятно. Возможно это судьба. По этой причине после окончания сборов командир решил остаться и продолжить работу здесь на станции по договору. Достойная заработная плата гарантируется, плюс квартира в строящемся неподалеку новом городе энергетиков Славутич.

Старший колонны, майор запаса, проводит инструктаж.

– На Чернобыльской АЭС никому от своей группы не отлучаться. Самовольное хождение по территории станции запрещается. После выполнения работ находиться только в специально отведенных местах. Смертельную дозу облучения можно получить в любом месте. В прошлом году один солдат срочной службы присел отдохнуть на бетонный блок. Двух минут хватило на то, чтобы получить дозу облучения не совместимую с жизнью. Будьте осторожны! Во время движения в кузове не курить! Скорость движения 60 километров в час. Дистанция между машинами 60 метров.

И команда.

– По машинам!

* * *

Едем по узким лесным дорожкам, объезжая населенные пункты. Песчаная почва, смешанный хвойно-лиственный

лес.

Повсюду вдоль дороги установлены предупреждающие знаки: «Радиационная опасность» и таблички: «В лес не заходить». Правда, не понятно для кого все эти знаки – дорога пустынна, ни людей, ни встречных машин.

– Ну, как, отдохнул!? – начинает разговор капитан.

– Да, относительно.

– Что такое?

– Духота в палатке, дружный храп и комары в придачу.

– Ну, у нас в домиках ненамного лучше – утешает меня командир.

В кабине на противосолнечном щитке я прикрепил фотографию жены с детьми. Фотография черно-белая в стиле ретро. На фотографии сыну пять лет, дочке два годика.

– Это что старая фотография? – интересуется командир.

– Нет, новая. Жена сфотографировалась с детьми перед самым моим отъездом на сборы. Просто я женился несколько позже обычного, в 34 года.

Дорога до станции занимает два часа. Чтобы скоротать время капитан вводит меня в курс дела, пересказывая тему недавнего политзанятия для командиров.

– В ночь с 25 на 26 апреля 1986 года на станции проводился эксперимент – возможность запуска дизель генератора за счет энергии выбега турбины при плановом выводе из работы 4-ого бескорпусного реактора типа РБМК.

При постепенном снижении мощности реактора произо-

шло внезапное падение мощности до 30 мегаватт. Только после технологических нарушений мощность удалось поднять до 200 мегаватт. Но реактор стал не управляемым, и операторы были вынуждены менять регулировки каждые несколько секунд. В результате насосы стали подавать меньшее количество воды на охлаждение реактора. Выработка тепловой энергии увеличилась в сто раз выше нормы. Введение в реактор графитовых стержней, призванных поглотить нейтроны и остановить цепную реакцию уже не спасло положения – произошел тепловой ядерный взрыв.

Взрыв разрушил помещение 4-ого энергоблока. 190 тонн ядерного топлива, вместе с графитовыми стержнями было выброшено наружу. Начался пожар, который благодаря самоотверженной работе пожарных к утру удалось локализовать. Тушение пожара стоило жизни 28 пожарникам – два человека в страшных муках умерли в этот же день, остальные скончались в течение нескольких последующих недель.

По количеству радиоактивного выброса в атмосферу взрыв на Чернобыльской АЭС составил суммарную мощность пятисот атомных бомб сброшенных на Хиросиму. Радиоактивному загрязнению подверглись территории Украины, России и Белоруссии.

Больше других от радиации пострадал город Припять, расположенный в полутора километрах от станции. Ветер в ту ночь дул в сторону города. Многие жители из окон своих квартир верхних этажей видели пожар на станции, но никто

из них и предположить не мог об истинном масштабе аварии – настолько люди были убеждены в невозможности ядерного взрыва и радиоактивного загрязнения окружающей территории.

Взрыв реактора застал руководство станции врасплох. В первый момент никто толком не знал, что надо делать в сложившейся нештатной ситуации. Никто не предложил жителям города хотя бы закрыть форточки в своих квартирах и не выпускать детей на улицу.

Утром как обычно дети пошли в школу. Малышей родители повели в детские садики. Стояла теплая погода. Кто-то в то утро шел на пляж, кто-то ехал на дачу. Многие с удочками отправились к искусственному водохранилищу – пруду охладителю. В самом городе повсюду гуляли люди.

Эвакуация населения началась только сутки спустя 27 апреля. Во избежание паники людям объявили, что эвакуация временная, максимум на трое суток. Предложили взять с собой только документы и на первый случай продукты питания.

Три дня руководство страны отказывалось делать какие-либо официальные заявления. Три дня мир находился в неведении. И только 30 апреля, после того как работники шведской АЭС «Форсмак» зарегистрировали мощное радиационное излучение (при этом, шведы первым делом эвакуировали всех людей с территории своей станции и только потом принялись выяснять причину повышения радиацион-

ного фона), исходившее от пришедшего с востока облака, Правительство Советского Союза было вынуждено признать факт ядерного взрыва на Чернобыльской АЭС, расположенной в ста десяти километрах южнее столицы Украины – города Киева.

Но и после официального сообщения о произошедшей на Чернобыльской АЭС аварии руководство Советского Союза еще долгое время пыталось приуменьшить ее масштаб. В средствах массовой информации сообщалось о двоих погибших, в то время как счет жертв взрыва 4-ого реактора исчислялся уже десятками человек умерших мучительной смертью.

С целью заглушить аварийный реактор и таким образом понизить уровень радиационного излучения, шахту реактора начали забрасывать с вертолетов мешками с подручным материалом – песком, глиной, бором, цементом, известняком и дробленым свинцом. Предполагалось, что свинец возьмет на себя часть тепла, а когда застынет, то создаст надежную свинцовую оболочку. Идея, конечно, была хорошая, но на деле все вышло несколько иначе – расплавляясь свинец тут же испарялся и насыщал атмосферу ядовитыми парами свинца.

И здесь возникла еще одна более серьезная опасность – возможность повторного, более мощного взрыва способного уничтожить все живое в радиусе тысячи километров от Чернобыльской АЭС. Под тяжестью сброшенного в реактор

четвертого энергоблока песка, глины и свинца могло не выдержать и проломиться бетонное перекрытие под аварийным реактором. В этом случае оставшаяся в реакторе большая часть расплавленного топлива (по предположению академика Легасова – около 180 тонн) хлынула бы в бассейн-барботер (этот бассейн использовался для подачи из него воды на охлаждение ректора, в этот же бассейн сбрасывался и отработанный пар после прохождения паровой турбины, где конденсировался и вновь превращался в воду). В результате соприкосновения ядерного расплава с водой произошел бы новый взрыв, сделавший территории подвергшиеся радиоактивному загрязнению непригодными для проживания на сотни лет.

Предотвратить подобный сценарий вызвались трое добровольцев из инженерно-технического персонала станции. Только работники станции, зная расположение трубопроводов и вентилях кранов, могли в подземных коридорах найти эти краны и открыть задвижки для спуска воды из бассейна-барботера.

По колено в воде, оставшейся в коридорах после заливки аварийного реактора при тушении пожара, и в крошечной тесноте эти люди нашли вентилях кранов и открыли задвижки для спуска воды из бассейна-барботера – опасность повторного взрыва миновала.

Но оставалась еще одна не менее серьезная опасность – в случае разрушения или прожигания ядерным топливом,

температура которого достигала 2000 градусов, бетонного основания реактора, раскаленное ядерное топливо могло просочиться вглубь до водоносных слоев и загрязнить русла рек и в первую очередь реки Днепр. И тогда нашими учеными было принято «гениальное» решение – установить под раскаленным реактором мощные холодильные установки работающие на сжиженном азоте. В короткий срок героическим трудом шахтеров и тульских метростроевцев под аварийный реактор была прорыта шахта длиной в 150 метров и вырыт котлован диаметром в 30 метров и высотой в два метра. И только в последний момент до прожектеров дошло, что установка холодильников под реактором ничего не изменит. Вырытый котлован попросту залили бетоном.

В первые дни, после эвакуации населения солдаты срочной службы начали было поливать многоэтажки Припяти водой из брандспойтов, но быстро поняли – это как мертвому припарка. Город был обречен.

Потом началось мародерство. Покидая в спешке квартиры на три дня никто не забирал с собою ценные вещи: радиоаппаратуру, предметы искусства, столовое серебро и фарфоровую посуду. Многие оставляли в своих квартирах наличные деньги и ювелирные украшения.

Квартиры грабили те, кто был призван охранять их от мародеров. Несколько милиционеров с награбленным были задержаны сотрудниками КГБ, а в казармах солдат-срочников появились цветные телевизоры.

Вообще же солдатам срочной службы в 1986 году досталось больше всех. Командование затыкало ими все «дырки». Молодые ребята выполняли самые грязные работы, как по очистке территории станции, так и подсобные работы на сооружении «саркофага». При этом, на Чернобыльскую АЭС направлялись исключительно одни «добровольцы». Делалось это не самым корректным образом. Командир предлагал выйти из строя тем, кто не желал работать на Чернобыльской АЭС. Понятно, что из строя никто не выходил – трусов нет. Тогда команда: «По машинам!», и вперед: «За Родину! За Партию!».

Если бы командиром вопрос ставился иначе: «Выйти из строя тем, кто желает работать на Чернобыльской АЭС», думаю желающих было бы гораздо меньше.

В декабре 1986 года сооружение «саркофага» было закончено, но фактически «саркофаг» не обеспечил в полной мере защиту окружающей среды от радиоактивного загрязнения. В нем имеются специальные вентиляционные каналы и клапан для стравливания в атмосферу повышенного давления газов, по существу радионуклидов с полным набором радиоактивных веществ: изотопов урана, плутония, йода, цезия и стронция.

С января этого года начались регулярные выезды приписного состава нашей части на работы по дезактивации объектов Чернобыльской АЭС и прилегающей к ней территории.

Далее капитан информирует меня о том, какие суммы государство ежедневно тратит на ликвидацию аварии (точно уже не помню, но что-то сопоставимое с годовым бюджетом небольшого европейского государства) и предупреждает.

– Не покупай в военторге тушенку, она со склада из 30-ти километровой зоны, скорее всего из Припяти. Подлежала захоронению на могильнике, но сам понимаешь, зарывать в землю дефицитный продукт было жалко и тогда кто-то «умный» придумал делать «дезактивацию» банок с тушенкой. Банки попросту обмыли в воде с разведенным в ней стиральным порошком, поэтому ни на одной банке и нет бумажной этикетки, а на некоторых банках даже видны характерные следы белого налета от плохо смытого стирального порошка.

* * *

В 1987 году многие продукты, если не сказать все, были дефицитным товаром. Поэтому тушенка, продаваемая в военторге за полцены, раскупалась на ура. Даже тех небольших суточных, что выдавались нам раз в две недели, хватало на то чтобы купить несколько десятков банок. Не многие удержались от того, чтобы не отправить домой хотя бы пару

посылку с этим радиоактивным гостинцем с Чернобыльской АЭС.

* * *

Интересуюсь у капитана.

– Правда ли говорят, что ученые производили эксперимент на крысах: Одну группу крыс поили вином, а другую группу крыс поили простой водой и после этого подвергали радиационному облучению. Из группы крыс, которых поили вином, выжили все крысы, а из группы крыс, которых поили водой, выжило лишь 20 процентов крыс?

– Насчет крыс я не знаю, но на политзанятиях нам рассказывали, что алкоголь действительно снижает степень воздействия радиации на организм, но это лишь в том случае, если алкоголь употреблять перед облучением, а не после. В 1986 при возведении «саркофага» употребление алкоголя не возбранялось, было лишь одно условие, чтобы каждый знал меру и был в состоянии выполнять свою работу. Пили все, и рабочие, и сами врачи. Хотя, скорее всего, пили и не водку, а самогонку. Водка в магазинах, как и у нас сегодня, не продавалась, а тем не менее на вечерней поверке некоторые товарищи еле на ногах держатся. За алкоголь в прошлом году из 30-ти километровой зоны вывозилось все, что только можно было «спасти»; и строительные материалы, и бытовая техника, и продукты питания. Милиционеры, охранявшие въезд и

выезд из 30-ти километровой зоны, тоже не отказывались от приема внутрь народного напитка, как профилактического средства снижающего степень воздействия радиации на организм.

* * *

Въезжаем в населенный пункт Диброво – граница конца и одновременно начала 30-ти километровой зоны.

Деревня будто вымерла, на улицах не видно даже собак.

– Всех собак и кошек еще в прошлом году перестреляли специальные санитарные команды. Из-за накапливавшейся в шерсти животных радиации они становились опасными для людей – информирует меня капитан.

Перед въездом в зону, обтянутую колючей проволокой, будочка ККП и шлагбаум.

Колонна машин останавливается. Из головной машины выходит старший колонны и дает команду.

– Всем одеть респираторы!

Самая опасная радиация это та, которая с пылью попадает внутрь организма. Она практически не выводится и провоцирует образование раковых клеток.

Одеваем на лицо одноразовые «лепестки» – это что-то вроде марлевой повязки.

Два милиционера выходят из своей будки, открывают шлагбаум, и мы въезжаем в опасную зону. В зоне пошли по-

ля заросшие бурьяном. Стали попадаться маленькие хуторки, состоящие из нескольких построек крытых соломой.

– В прошлом году солдаты срочной службы и эти хаты пытались отмывать водой из брандспойтов, но чуда не произошло – замечает командир.

По обочине дороги бредут старики и старухи не захотевшие бросить свои хаты и переселиться в чистую зону. Старички не обращают на нас внимания, они знают, колонна военных машин не остановится и не подвезет их.

Заросшие бурьяном поля сменяются лесом. Командир показывает на дерево растущее с левой стороны от дороги. Полусохшее дерево формой напоминает трезубец.

– На этом дереве немцы в войну людей вешали.

Действительно, вешать людей на горизонтальных ветвях дерева удобно, не надо строить специальных виселиц. Но думаю, что это все-таки не более чем байка. До ближайшего населенного пункта, деревни Чернобыль, далековато, около 18-и километров. Не стали бы практичные немцы тратить бензин на дорогу и вешать людей вдали от свидетелей из числа местных жителей, для кого и предназначались эти акты устрашения.

С левой стороны, в полутора километрах от дороги, из-за верхушек деревьев показались верхние этажи «мертвого» города Припяти.

Еще совсем недавно это был самый современный город в Советском Союзе – город будущего. Город строился с рас-

четом на молодых жителей: спортзалы и бассейны, дворцы культуры и театры, школы и детские садики, парки и зоны отдыха, и наконец комфортабельные и абсолютно бесплатные квартиры в 9-ти и 16-ти этажных домах. Плюс у всех была высокооплачиваемая работа на Чернобыльской АЭС, которой по праву гордился каждый житель Припяти выбравший престижную работу энергетика.

На станцию прибываем по расписанию к 8 часам и останавливаемся возле одноэтажного здания цеха дезактивации КССК ЧАЭС напротив входа в здание 3-его энергоблока. После того как люди покинули кузова автомобилей, старший колонны командует.

– Командирам развести своих людей по объектам, водителям оставаться возле машин.

Затем майор приказывает нам задним ходом поставить машины в ряд между Т-образными бетонными опорами паропровода. Убедившись, что все машины выстроены под изолированными трубами паропровода в идеально ровную линию, бампер к бамперу, старший колонны с сознанием исполненного долга покидает нас и уходит вслед за остальными людьми на станцию (чуть позже выяснилось, что уровень радиации, исходивший от этих бетонных опор и лежащих на них трубах паропровода был в разы выше, чем на открытом месте – более «удачного» места для парковки автомобилей было уже и не сыскать на всей территории станции).

После того как все люди разошлись мы – водители свободны. Теперь можно немного расслабиться и осмотреться.

Чернобыльская АЭС – это два смежных здания, соединенных между собою подвесным коридором. С левой стороны находится здание 1-ого и 2-ого энергоблоков. С правой стороны находится здание 3-его энергоблока, к которому, вместо разрушенного в прошлом году 4-ого энергоблока, пристроена глухая бетонная коробка – «саркофаг».

Над третьим энергоблоком возвышается, хорошо знакомая по кадрам телевидения и снимкам в прессе, монументальная красно-белая вентиляционная труба опоясанная лесами.

Глухая бетонная коробка «саркофага», усиленная ребрами жесткости, имеет внушительный вид, но и она не обеспечивает стопроцентную защиту окружающей среды от радиации. Внутри шахты разрушенного реактора продолжается реакция деления атомов. Время от времени повышенное давление газов подрывает предохранительный клапан и в атмосферу выбрасывается невидимое облако радионуклидов. Вспомнилась где-то в детстве прочитанная фраза: «Чудище огромно, обзло и лай!».

Возле стены «саркофага» с прошлого года остался стоять немецкий башенный кран DEMAG на гусеничном ходу. Кабина машиниста башенного крана расположена внизу, на мощном основании крана. Значит, управлялся кран при по-

мощи монитора, установленного в кабине оператора, и видеокамеры, закрепленной на стреле крана.

С противоположной стороны «саркофага» остался стоять еще один такой же башенный кран.

* * *

1-ый и 2-ой энергоблоки станции работают в штатном режиме, вырабатывают электроэнергию. Свою работу они возобновили еще 1986 году.

Атомная электростанция – это стратегический объект, подлежащий строгой охране. Поэтому левое здание, 1-ого и 2-ого работающих энергоблоков, огорожено двойным забором из колючей проволоки. Между рядами колючей проволоки по периметру в пределах прямой видимости установлены будки вооруженной охраны. В будках по сторонам маленькие окошки, на крышах будок установлены вентиляционные фильтры.

С противоположной стороны станции, вдалеке, видны антенны дальнего радиолокационного обнаружения – ни один летающий объект не имеет права без разрешения и близко приблизиться к атомной электростанции.

Светит солнышко, голубеет небо, зеленеет травка, только на уши давит какая-то неестественная мертвая тишина – не слышно пения птичек, даже комары, изрядно достававшие нас в части, здесь не звенят. Совсем как в песне у Владими-

ра Высоцкого: «А на кладбище все спокойненько, исключительная благодать».

Чернобыльскую АЭС окружает хвойно-лиственный лес. Лиственные деревья пережили выброс радиации в 1986 году без видимых последствий, на ветвях распустились молодые зеленые листочки. Хвойный же лес погиб. На ветвях засохшая, но не опавшая желтая хвоя – это район «рыжего леса», определяющий границы 3-ей зоны опасности, самой опасной зоны внутри 30-ти километровой зоны Чернобыльской АЭС.

«Рыжий лес» с наветренной, тыльной, стороны отходит от станции метров на 100–150. С подветренной же стороны «рыжий лес» тянется на полтора километра в сторону «мертвого» города Припяти.

* * *

В Директиве штаба Северо-Кавказского военного округа № 15/4050 от 20.08.1986 г.: «О делении 30-ти километровой зоны (зоны отчуждения) на зоны опасности», уровень радиации в 3-ей зоне опасности указан как: «свыше 100 мР/ч (миллирентген в час). Просто свыше 100 мР/ч и все. Но 100 мР/ч – это минимальный уровень радиации в 3-ей зоне опасности. Предельный уровень радиации не указан ни в одном документе, его попросту не существовало. В одном месте, непосредственно на самой Чернобыльской АЭС, он мог достигать 500 Р/ч, в другом месте несколько тысяч Р/ч, а в

третьем месте он уже не поддавался никаким замерам – приборы попросту зашкаливало. И тут уже кому как повезло – кто-то получил дозу облучения не совместимую с жизнью и умер в первые месяцы или годы после возвращения с Чернобыльской АЭС, а кто-то жив и сегодня. При этом в официальных документах у всех указан одинаковый, безопасный размер полученной дозы облучения. По документам выходило, что ни один человек за время работы на Чернобыльской АЭС не получил ни одной лишней сотой и даже тысячной доли рентгена. А те люди, которые умерли мучительной смертью после возвращения с Чернобыльской АЭС, умерли вовсе не оттого, что получили дозу облучения не совместимую с жизнью, а исключительно своей естественной смертью. Далеко не всем из них после вскрытия была установлена взаимосвязь смерти с радиационным облучением.

Во 2-ой зоне опасности уровень радиации уже определялся четкой величиной от 20 до 100 мР/ч.

В 1-ой зоне опасности уровень радиации варьировался от 5 до 20 мР/ч.

Неожиданно мертвую тишину разорвал рев дизельного мотора. Оживший бульдозер вздрогнул и, выбросив в небо облако черного дыма, принялся деловито сдирать слой старого асфальта напротив главного входа в помещение 3-его энергоблока. Очередной рабочий день начался:

К забору из колючей проволоки подошел гражданский рабочий. Вместо белого костюма на нем брезентовая роба, на голове маска электросварщика с поднятым забралом, во рту папираса. Сразу видно человек на станции не первый день, радиация ему нипочем: «А че ее бояться? Радиация не пахнет и ее не видно!».

Мимо проехал КраЗ с кабиной обшитой листами свинца. На месте лобового стекла узкая амбразура, как в первых довоенных танках. Мощный самосвал повез радиоактивные отходы на могильник.

Изредка по территории станции быстрым шагом пробегают гражданские. Все во всем белом: в белых костюмах, в белых шапочках, в белых туфлях и с такими же, как и у нас, белыми одноразовыми респираторами на лицах.

С места стоянки наших машин видно, как по крыше третьего энергоблока бегают люди. Снизу они кажутся маленькими муравьями. Люди по одному выскакивают из какого-то проема и сделав пробежку по крыше вновь скрываются в

этом же проеме.

* * *

Позже узнал – это военнообязанные на крыше собирали куски радиоактивного графита.

Все, что в ночь с 25 на 26 апреля 1986 вылетело из реактора 4-ого энергоблока, оказалось на крыше 3-его энергоблока. Уровень радиации не поддавался никаким замерам. Теоретически уровень радиации на крыше превысил норму в тысячи раз. Поэтому после забрасывания аварийного реактора с вертолетов подручным материалом, командованием было принято решение расчистить крышу 3-его энергоблока от выброшенного взрывом графита и другого радиоактивного мусора.

В начальный период расчистку крыши доверили вести специально закупленным в ФРГ для этой цели роботам, представлявшим собой радиоуправляемые колесные бульдозеры с установленными на них видеокамерами. По команде оператора из укрытия роботы ножевыми отвалами сгребали радиоактивный мусор и сбрасывали его с крыши в проем разрушенного помещения 4-ого реактора. Но электронные блоки управления не выдержали воздействия радиации и вскоре все роботы вышли из строя. Но то, что не может сделать техника может сделать человек. К расчистке крыши командованием были привлечены военнообязанные. На лю-

дей надели прорезиненные рентгеновские фартуки и укрыли отдельные части тела тонкими, на месте по «размеру» изготовленными свинцовыми накладками, самая важная из которых называлась «корзинка для яиц». Практическая польза такой защиты от радиации была нулевая и носила всего лишь психологический характер – на подсознательном уровне человеку легче войти в зону радиационного поражения в «защитной» экипировке. Но люди и в этих условиях не теряли чувства юмора и окрестили себя в этом наряде «биороботами».

Гражданские лица, руководившие работами в случае редкой необходимости выхода на крышу не облачались в свинцовые доспехи, зато их рабочая одежда вместе с нательным бельем тут же менялась на новую, а использованная отправлялась в радиоактивный мусор. Смею предположить, что одноразовое использование робы и нательного белья было гораздо эффективнее многократного использования защитных доспехов.

Далеко не все работавшие в 1986 году на крыше 3-его энергоблока военнообязанные впоследствии умерли. Но своей жизнью они оказались обязаны вовсе не этой «защитной» экипировке, а скоротечностью работы на крыше. За пять 45 секундных выходов на крышу человек набирал свои виртуальные 25 бэр и уезжал домой. Все эти люди впоследствии по праву были награждены орденами «Мужества» – они герои.

Другое дело, что эффективность их работы оказалась не

очень высокой. К концу 1986 года уровень радиации на крыше 3-его энергоблока ориентировочно снизился на 30 процентов. Впоследствии, в 1987 году, уже другим военнoобязанным все так же самоотверженно пришлось продолжать расчищать крышу 3-его энергоблока от радиоактивного мусора.

К этому времени командование уже отказалось от «защитной» экипировки, ввиду ее не эффективности и снижения до «безопасного» уровня радиации на крыше. К тому же тяжеленная экипировка (до 30 кг.) мешала работать, в ней невозможно было даже наклониться. Поэтому в 1987 году люди собирали графит на крыше уже без этой «защитной» экипировки и не лопатами, а большей частью руками надежно «защищенными» брезентовыми рукавицами.

И, несмотря на то, что в 1987 году военнoобязанные выходили на крышу уже не пять раз, а десятки раз, никому из них так и не удалось набрать больше 9-и с половиной рентген. Поэтому никто из работавших на крыше 3-его энергоблока в 1987 году оказался недостоин посмертно быть награжденным орденом «Мужества».

Со слов Президента общероссийской общественной организации Союз «Чернобыль» России Вячеслава Леонидовича Гришина, по приблизительным подсчетам на сегодняшний день из жизни ушел каждый пятый обладатель удостоверения участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Но по более точному подсчету из 350 человек, призванных Армавирским военкоматом в 1986–1990 годах на специальные сборы для выполнения правительственного задания, на сегодняшний день в живых уже нет 168 человек, то есть из жизни ушел каждый второй участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

Сегодня как аксиома принимается на веру работа каждого обладателя удостоверения участника непосредственно на самой Чернобыльской АЭС, в самой опасной зоне радиоактивного загрязнения. Но за полтора месяца работы в мае-июле 1987 года я не увидел на территории станции ни одного человека и ни одной машины, из более чем сотни других воинских частей дислоцировавшихся вокруг Чернобыльской АЭС. Не увидел я на станции и ни одного кадрового военного – свою работу военнослужащие с честью выполнили в 1986 году.

* * *

У меня вызывают улыбку страшные истории, рассказываемые в социальных сетях некоторыми участниками из других воинских частей, проходивших специальные сборы в 1987 году в одно время со мною, о том, как после «выстрела» из саркофага они у себя во рту через респиратор ощущали характерный металлический привкус, возникающий в зоне сверхвысокой радиации (за полтора месяца мне пришлось пережить несколько выбросов радионуклидов из саркофага стоя прямо под стеной этого укрытия, и ни разу я не ощутил во рту пресловутый свинцовый привкус).

А недавно в соцсетях меня развеселил попавшийся на глаза рассказ еще одного «ликвидатора» из другой войсковой части, озаглавленный «Мы – Чернобыльцы». Этот рассказ интересен тем, что этот ликвидатор-чернобылец проходил специальные сборы в одно время со мною и так же в одно время со мною, якобы, выезжал для выполнения работ непосредственно на Чернобыльской АЭС, и что еще интереснее, из того же населенного пункта Новая Радча Житомирской области в котором дислоцировалась наша воинская часть 47049. Поэтому думаю читателю будет интересно сравнить то, о чем я пишу с «воспоминаниями», которыми по телефону с газетой «Факты» (Украина) в 34-ю годовщину аварии 26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС, поде-

лился черновыльський ликвидатор Ярослав Муха живущий во Львове:

«Чернобыль ворвался в мою жизнь в 1987 году, когда я полагал, что с последствиями аварии на ЧАЭС в основном уже покончено.

Вдруг весной 1987 года меня вызывают в военкомат, сообщают: «Вы, как лейтенант запаса, призываетесь на военные сборы».

Военкомат направил меня в райцентр Коростень Житомирской области. Там, как оказалось, призванных на сборы «партизан» распределяли по воинским частям, задействованным в работах на ЧАЭС и в зоне отчуждения. Стал свидетелем, как один из мобилизованных на коленях умолял, чтобы его не отправляли в Чернобыль. Я вскоре узнал, что там оставалось ещё очень много опаснейшей работы.

– Куда вас направили?

– В отдельный полк химической защиты Прикарпатского военного округа (в/ч 55064). Однако тогда наше подразделение находилось не в Прикарпатье, а в 45 километрах от ЧАЭС – в селе Новая Радча. Откуда мы отправлялись на работы. Одна часть моих товарищей занималась захоронением Рыжего леса, другая дезактивацией Припяти и ряда тогда ещё населенных пунктов. А я попал в группу, которую задействовали в очистке от радиации крыши и наиболее загрязненных радиацией четвертого и третьего энергоблоков. Из-за большого радиационного

фона нам разрешали находиться там очень короткое время – в одних местах это было 30 или 40 секунд, в других – от одной минуты до двух минут.

На очистке от радиации крыши и помещений Чернобыльской АЭС, мы, призванные на военные сборы солдаты и офицеры, работали в респираторах, но микроскопические пылинки все же проникали в бронхи, и это, кроме прочего ущерба здоровью, вызывало сильнейший кашель. Мы ночевали в казармах воинской части, расположенной в 45 километрах от атомной станции. Запомнилось, как смотрели в армейском клубе кинокомедию «Свадьба в Малиновке»: ни слов актёров, ни исполняемых ими песен было не разобрать – их заглушал непрерывный кашель зрителей.

Тут важно сказать, что большую часть смертельно опасного радиоактивного мусора убирали с крыши не вручную, а с помощью робототехники, в том числе луноходов. На ЧАЭС прислали два таких космических аппарата. Их оснастили ковшами. Группа, которая ими управляла с помощью радиосигналов, работала в очищенном от радиации помещении. Один луноход трудился на крыше, второй в это время находился на техобслуживании. Периодически их меняли – с помощью вертолета. Это было в 1986 году.

– Почему же в таком случае на крышу направляли людей?

– Там были такие места, до которых луноход добраться не мог. Поэтому возникла необходимость

задействовать «биороботов» – так нас называли. Сначала убрали крайне опасный радиоактивный мусор, потом срывали загрязненный радиацией рубероид и стелили новый. Во время этих работ поднималось много радиоактивной пыли, от которой не спасали респираторы.

– Какую ещё защитную амуницию вы надевали?

– В первые месяцы после Чернобыльской аварии люди, которых направляли очищать крышу, надевали самодельные жилеты и трусы из свинцовых пластин. Но потом разобрались, что от этих «лат» мало толку. А весят они много, стесняют движения. Это очень существенно, когда вы выполняете задания и человеку отводится лишь несколько десятков секунд. Поэтому от свинца отказались. Волосы защищали шапочкой, надевали респиратор, форму из хлопка, рукавицы, сапоги и фартук врача-рентгенолога. Фартук, думаю, не столько защищал, сколько был своего рода средством психологической поддержки.

– Какие меры предосторожности соблюдали?

– При выполнении работ в загрязненных радиацией местах старались не приседать – чтобы уберечь от радиации половые органы. Логика такая: раз настил на крыше и пол в помещении фонят, то мужское «хозяйство» должно быть от них как можно дальше. Выполнение работ контролировали специалисты-атомщики 605-го управления Минсредмаша СССР.

Под воздействием радиации события примерно 10 дней моей Чернобыльской эпопеи полностью стерлись

из памяти.

Каждое утро несколько сот наших «партизан» отправлялись на ЧАЭС. Солдат-срочников в 1987-м уже туда не брали. Ведь им еще предстояло жениться, становиться отцами.

– Кстати сколько вам тогда было лет?

– Двадцать семь годков. Большинство «партизан» были старше меня в возрасте от 30–40 лет. Впрочем, среди нас были и совсем молодые, еще не женатые.

На работу мы возили с собой целый грузовик минеральной воды в бутылках. Поначалу я был командиром взвода. Когда приезжали на ЧАЭС, я делил своих подчиненных на группы по десять человек. Мы поднимались в очищенное от радиации помещение и там специалисты-атомщики показывали на видеомониторе, что предстоит сделать, инструктировали, как себя вести. Всем выдавали дозиметры. Предположим, нам следовало очистить от мусора определенный участок крыши. По команде первая группа выбегала на кровлю, стараясь сделать как можно больше. За её работой наблюдали по видеомонитору. Когда истекало отведенное ей время, звучала сирена, и группа бежала назад. Ей на смену устремлялась следующая. Обычно, часа за два все несколько сот «партизан» набирали свои дневные дозы.

– Как вы проходили очистку от радиации?

– В административно-бытовом корпусе дозиметрист измерял уровень радиации на одежде и

обуви. Как правило, после каждой смены эти вещи до того загрязнялись, что дезактивации не подлежали. Их отправляли в могильник радиоактивных отходов. Кстати, когда я в свой первый рабочий день на ЧАЭС увидел, что один раз надеванные сапоги отправляют в могильник мне стало ясно – мы попали в самое пекло. Ведь я знал, что на стройках работага получает одну пару кирзачей на два года, а здесь одну пару в день! Добавьте армейскую форму, белье. За здорово живешь советское государство так бы не расщедрилось! Посчитал, что эта амуниция стоила рублей 50 (молодой инженер тогда получал 120 рублей в месяц).

Сбросив безнадежно зараженную одежду и обувь, мы шли в душ, смывать радиацию с кожи. Затем спешили напиться воды. Это потому, что под действием радиации в организме наступало обезвоживание. Так что за раз мы с наслаждением выпивали по 3–4 бутылки. Кстати у нас всегда была дефицитная «Боржоми» – благодаря оборотистому заместителю полка по тылу.

– Как отразилась на здоровье работа в условиях высокой радиации?

– Да у каждого по своему... У меня на ступне образовалась язвочка, она зажила только в 2000 году. А еще увеличились лимфоузлы под мышками. Но я на это особого внимания не обращал – не до того было. Самое интересное, что события примерно дней 10 моей Чернобыльской эпопеи полностью стерлись из памяти.

Ребята вспоминали различные события, участником или свидетелем которых, по их словам я был. Но ничего этого не помню. Совсем.

– У вас в Чернобыле был оберег?

– Нет, но я носил в кармане железный рубль. И вот для чего. Смотрите, я некоторое время был командиром взвода, а затем пошел на повышение – назначили командиром роты. В моем подчинении оказалось около 100 бойцов. Как и я, это были так называемые «партизаны». Личный состав роты менялся – тех, кто официально набирал дозу радиации в 10 бэр (приблизительно 10 рентген) отправляли домой. Присылали новичков – в основном крестьян и рабочих. Чтобы доходчиво объяснить, насколько опасная работа им предстоит, я использовал металлический рубль. Когда они спрашивали, как действует радиация, я доставал рубль и лепил его себе на лоб (в этом деле важно, чтобы лоб был хотя бы немного влажным). «Видите, я из-за радиации стал вроде магнита», – говорил им. И, знаете, мужики сразу понимали, что с ионизирующим излучением шутки плохи. И технику безопасности соблюдали.

Впрочем... Дезактивировали мы помещения возле вентиляционной трубы. Вести себя там следовало крайне осторожно. Но, помнится, солдаты из Закарпатья, пренебрегая опасностью, принялись мыть пол, став на колени, как это делают в сельской хате.

– Ваше подразделение хорошо кормили?

– Как на убой. Еда была вкусной и разнообразной. Кстати, в армейском магазине свободно продавались дефицитные в то время продукты, Например, растворимый кофе в пакетиках. А вот со спиртным было очень туго – сухой закон. Когда я собирался на дембель, следовало ребят угостить. С большим трудом раздобыл две бутылки водки.

– **Сколько вам заплатили за работу на ЧАЭС?**

– Оклад в пятикратном размере – более 3 тысяч рублей (это за 23 смены в третьей самой опасной зоне). Я купил на эти деньги кирпич и другие стройматериалы. Рассуждал так: Если после полученных доз облучения мне не суждено прожить долго, семье останется хороший дом. Понимаете, военные медики высказывались пессимистически по поводу моих перспектив дожить до седых волос.

– **В минувшем году мировым хитом стал телесериал «Чернобыль», созданный британскими и американскими кинематографами. События в нем отражены правдиво?**

– Что касается очистки крыши, то правдиво. Съёмочная группа отталкивалось от документальных съёмок, разрешение на проведение которых в 1986 году добился генерал Николай Тараканов. Поэтому о подвиге его солдат знают многие. Но нужно понимать, что крышу очищали и до, и после них – без кинокамер. Кстати, я читал много версий Тараканова о том, что и как было в Чернобыле. Многое в них не стыкуется.

В сериале «Чернобыль» впечатляюще показана

история о подвиге водолазов. Они, рискуя жизнью, спустились под аварийный реактор, чтобы открыть вентиль слива воды. В сериале эти события представлены не совсем так, как они произошли в действительности. Но все равно эти трое чернобыльцев совершили подвиг. Но давайте не забывать не менее героические поступки многих других ликвидаторов. Возьмем такой пример: сразу после Чернобыльской катастрофы ученые опасались, что в аварийном реакторе произойдет еще один взрыв, поэтому им нужно было «заглянуть» в него. Кто знает о людях, которые, рискуя жизнью, прожгли отверстие в бетонном корпусе разрушенного реактора?

Истории, в которых специалисты проявляли высочайший профессионализм и смелость во время ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы – предостаточно. А вот пенсии у многих из них (тех, кто дожил до наших дней) лишь немногим больше минимальной, например, у моих знакомых водителей грузовиков-миксеров, доставлявших цемент для возведения саркофага».

*** * ***

Комментировать вымесел «ликвидатора-чернобыльца» Ярослава Мухи не буду, только добавлю, что 45 километров – это расстояние не от села Новая Радча до Чернобыльской АЭС, а до населенного пункта Диброво, то есть до границы

30-и километровой зоны.

Через час после прибытия на Чернобыльскую АЭС все работы прекратились, территория станции опустела.

К полудню командиры со своими людьми стали собираться возле машин. Увидел Сергея, какой-то неестественно бледно-серый цвет лица, видно, что ему плохо.

– Что случилось?

– Работали под машинным залом 3-его энергоблока, расчищали какой-то проход. В двери коридора круглое окошко. Гражданский показывает: «Видишь вон ту железку? Хватай ее, беги к шахте, бросай и беги обратно. В твоём распоряжении 45 секунд».

На руках только брезентовые рукавицы. Дозиметр-накопитель один на всех, пользовались по очереди. Хотел засунуть за голенище сапога, поближе к земле, но гражданский не дал – только в нагрудный карман.

Еще в коридоре почувствовал, что схватил большую дозу – стало плохо, начало подташнивать. Прибор, на котором гражданский проверил дозиметр, высветил пять рентген.

В доказательство Сергей показал мне красную полоску на запястье правой руки – это след загара, оставленный лучевым ожогом на открытом месте, между рукавом робы и брезентовой рукавицей. Выходит я был «не прав», действительно роба и брезентовые рукавицы «надежно» защищают тело

человека от ионизирующего воздействия радиации.

По нормативным инструкциям предельная дневная доза облучения на тот момент не должна была превышать 0.25 бэр. Единоновременно полученная Сергеем доза облучения в 5 бэр была разбита его командиром на несколько частей. Три дня Сергей не выезжал на Чернобыльскую АЭС – оставался в части дневальным по батальону.

* * *

Построение. Переключка. Наконец из части подъезжает машина с обедом. В кабине кроме водителя повар с помощником.

Команда.

– По машинам!.

Колонна машин двинулась на 5–6 энергоблок, распложенный в полутора километрах от станции.

5-ый – 6-ой энергоблок – это недостроенное кирпичное здание с голыми проемами окон и дверей. В 1986 году из-за высокого радиационного фона было признано нецелесообразным развертывание на базе этого здания завода по производству бетона. Но в 1987 году командование нашло помещение недостроенного энергоблока самым подходящим местом для оборудования в нем столовой для военнослужащих.

Руки мыть негде и нечем. Снимаем респираторы и расс-

живаемся на первом этаже на деревянных скамейках вокруг сколоченных в виде столов досок покрытых толстым слоем радиоактивной пыли.

Повар с помощником достают из кузова своей машины зеленые солдатские термосы и разливают по мискам все те же кислые, хотя еще и чуть тепленькие, щи. Командирам дополнительно выдается по несколько печений типа «крокет» – это «усиленный» офицерский паек.

Люди берут хлеб грязными руками, в этот момент с грязью и пылью в организм заносится доза радионуклидов в миллионы раз превышающая ту дозу, что до этого была задержана респираторами – более изощренного метода травить людей радионуклидами в этой «столовой» трудно было уже и придумать.

После того как все люди поели повара собирают грязную посуду и никого не дожидаясь уезжают на своей машине обратно в полк. Мы же возвращаемся на станцию, на старое место под «звенящие» трубы паропровода.

Строимся возле машин. После переключки стоим не расходимся. 14 часов дня. Наконец подходит взвод остававшийся на обед здесь на станции в гражданской столовой. Все – рабочий день окончен, можно возвращаться в часть.

* * *

Блестит мокрый асфальт. Поливочные машины из нашей

части, так называемые АРСы (автомобильная разливочная станция) на базе трехосных автомобилей ЗиЛ-157, поливают дорогу водой не давая ей просохнуть. Делается это для того, чтобы радиоактивная пыль не поднималась в воздух. Зато радиоактивная грязная жижа подхватывается колесами с дороги и набивается под крылья и кузова наших машин.

– Основная наша задача на станции – это дезактивация помещения машинного зала 3-его энергоблока, одного из самых загрязненных мест станции и подготовка его к работе в штатном режиме – поясняет командир.

– Индивидуальных дозиметров не хватает, да и те, что есть или не работают или показывают заниженный уровень радиации. Даже исходя из заведомо заниженных показаний люди получают дневную дозу облучения за 10–15 минут работы. Но поскольку Постановлением Совета Министров установлен 6-ти часовой рабочий день, то остальное время люди вынуждены находиться во внутренних, специально отведенных, помещениях станции. Дезактивация внутренних помещений закончена, оконные проемы закрыты свинцовыми плитами. Находиться внутри станции не опасно.

Приближаемся к границе 30-ти километровой зоны. Рядом с дорогой, в 100 метрах не доезжая до шлагбаума, находится ПуСО (пункт санитарной обработки). Перед выездом из опасной зоны все автомобили подлежат отмывке – дезактивации.

Сворачиваем с дороги на ПуСО, люди выпрыгивают из кузовов автомобилей и со старшими машин идут к лесочку, где ложатся отдыхать на землю прямо в радиоактивную траву – специальной площадки для отдыха людей на ПуСО не оборудовано.

ПуСО обслуживается латышами, все говорят с типичным прибалтийским акцентом растягивая слова.

К машине подходит дозиметрист, на груди висит прибор – дозиметр, на голове наушники, в руке штанга, внутри которой, на самом конце находится счетчик Гейгера. Дозиметрист подносит штангу к деталям автомобиля которые подлежат отмывке – это рама, рессоры, колеса и крылья автомобиля.

Деревянный кузов, в котором люди вынуждены находиться четыре часа по дороге на ЧАЭС и обратно, не поддается отмывке, поэтому никто не замеряет уровень радиации в кузове и тем более не пытается его отмывать. Кабина и двигатель автомобиля так же не подлежат отмывке – иначе прибо-

ры в кабине замкнут, а двигатель будет залит водой и не заведется. По этой причине никто не замеряет уровень радиоактивного загрязнения и этих частей автомобиля. В общем, отмывка автомобилей простая формальность, все та же ничтожная видимость заботы командования о здоровье людей заведомо обреченных на верную смерть.

* * *

Прибор дозиметр работает в трех режимах: в первом положении замеряется уровень радиации в тысячных долях рентгена – мкР/ч (микрорентген в час), во втором положении уровень радиации замеряется в сотых долях рентгена – мР/ч (миллирентген в час) и в третьем положении уровень радиации замеряется в полных рентгенах.

Указатель выбора режима работы дозиметра установлен в среднее положение, значит уровень радиации замеряется в сотых долях рентгена.

Естественный радиационный фон на ПуСО составляет 15 мР/ч. Рама и колеса автомобиля подлежат отмывке до 20 мР/ч – итого, общий уровень отмытых частей автомобиля не должен превышать 35 мР/час.

Уровень радиации предварительно определяется на слух и точно, визуально, по шкале прибора: В наушниках тихонько потрескивает (треск напоминает щелчки проскакивающей искры высокого напряжения между электродами), но

как только штанга прибора приближается к раме автомобиля треск учащается и переходит в сплошную какофонию. Стрелка индикатора зашкаливает, значит, уровень радиации превышает один рентген в час.

По нормативным инструкциям при уровне радиации более одного рентгена в час, автомобиль не подлежал отмывке и должен был оставаться в 30-ти километровой зоне. Но в армии на инструкции никто не обращает внимания – автомобиль будет отмываться при любом уровне радиоактивного загрязнения.

* * *

В соцсетях мне не раз попадались воспоминания отдельных водителей из других воинских частей, якобы вывозивших в одно время со мною, летом 1987 года, людей для выполнения работ на Чернобыльской АЭС. Но, как я уже упоминал, за полтора месяца мне ни разу не довелось увидеть на станции ни одной машины и ни одного человека из других воинских частей. И все эти водители утверждали, что их автомобили не отмывались на ПуСО, а просто менялись на границе 30-ти километровой зоны – из чистых машин люди пересаживались в грязные и наоборот. И ведь действительно, так это и было, но только зимою при минусовой температуре. С первыми теплыми днями грязные машины, оставшиеся в 30-ти километровой зоне, отмывались и люди полу-

чали возможность добираться до Чернобыльской АЭС и обратно без пересадки. Именно на такой «отмытой» машине мне и пришлось вывозить людей на Чернобыльскую АЭС в мае-июле 1987 года.

* * *

Вчера при въезде на ПуСО уровень радиоактивного загрязнения моего автомобиля составлял 65 мР/ч, значит сегодня из «саркофага» произошел выброс радионуклидов.

Для отмывки автомобилей на ПуСО оборудовано пять эстакад, но обслуживаются латышами только две. Для заезда на эти эстакады колонна машин разбивается на две очереди.

Въезжаю на эстакаду, глушу двигатель и остаюсь в кабине. Внизу мойщик в костюме химзащиты, перчатках и очках (костюм химзащиты не защищает от радиационного облучения, но он защищает от попадания радиоактивной грязи на одежду мойщика). Мойщик открывает кран и начинает поливать мою машину мощной струей теплой воды с разведенным в ней специальным стиральным порошком (который впрочем мало чем отличался от обычного стирального порошка, к тому же еще и был расфасован в обычные упаковки, поэтому у местных женщин с успехом менялся на самогонку). Минут через десять мойщик перерывает воду и машет рукой.

– Проезжай!

Съезжаю с эстакады. К машине подходит дозиметрист и производит замер – 70–75 мР/ч.

Разворачиваюсь на второй заход и становлюсь в конец очереди. Через час вновь въезжаю на эстакаду, глушу двигатель и кричу мойщику.

– Мой лучше! Сколько раз еще крутиться?

– Мне по барабану сколько раз! Я работаю два часа и меняюсь – с прибалтийским спокойствием отвечает мойщик.

Через 10 минут во второй раз подъезжаю к дозиметристу. Уровень радиоактивного загрязнения автомобиля на этот раз несколько ниже – 50–60 мР/ч, но все равно еще гораздо выше нормы. Разворачиваюсь, но в хвост очереди уже не становлюсь, а заезжаю на свободную эстакаду. Две другие, необслуживаемые, эстакады заняты, водители сами отмывают свои машины.

Сильным напором воды стараюсь выбить радиоактивную грязь из рессор и щелей под крыльями, куда не смог добраться мойщик в своем неуклюжем костюме химзащиты. Вода с радиоактивной грязью отбрасывается на меня. Через минуту я уже весь, с головы до ног, мокрый, но вода теплая, искупаться в такую жару одно удовольствие.

На этот раз все в норме – 35 мР/час по кругу. Прошу дозиметриста «прозвонить» меня: Роба «звенит» 80–90 мР/ч. Пятая точка опоры «звенит» полный рентген в час (Все мои предшественники, и я тоже, по прибытии на станцию ложились досыпать в кабинах своих автомобилей. При этом никто

не разувался и сапоги с радиоактивной пылью оказывались на сиденье водителя).

Прошу дозиметриста проверить уровень радиационного фона в кузове. Как только штанга со счетчиком Гейгера приблизилась к кузову, стрелка дозиметра тут же зашкалила. Переключить прибор в третье положение дозиметрист отказывается.

– Не положено!

Но это уже и не важно, какой бы уровень радиации не был в кузове, люди все равно будут продолжать ездить в этом кузове. Поэтому лучше ничего не знать и понапрасну не переживать.

(Меня начинало тошнить, когда впоследствии приходилось читать в соцсетях утверждения некоторых чернобыльцев о том, что во время ликвидации аварии на ЧАЭС соблюдался «строжайший радиационный контроль», в частности на ПуСО во время отмывки автомобилей).

* * *

Через два часа все машины «отмыты» и мы колонной подъезжаем к шлагбауму на выезде из 30-ти километровой зоны.

Из будки выходит милиционер с дозиметром на груди и начинает производить контрольный замер уровня радиоактивного загрязнения наших автомобилей – «строжайший

контроль», милиционеры тоже не даром едят свой хлеб. Милиционер сует штангу дозиметра под крылья наших машин, он уже знает все места откуда особенно трудно выбить радиоактивную грязь, поэтому быстро находит их. Несколько машин разворачиваются и возвращаются на ПуСО.

Наконец мы выезжаем из 30-ти километровой зоны. Проехав Диброво говорю командиру.

– Сегодня на станции был выброс.

Командир не верит.

– Если бы сегодня был выброс, то я знал бы об этом.

* * *

Когда в начале года произошел первый выброс радионуклидов из «саркофага» на Чернобыльской АЭС была небольшая паника. Люди так быстро покинули станцию, что забыли на ней несколько человек.

Впоследствии на выбросы уже перестали обращать внимание – выбросы происходили практически каждую неделю.

В полк возвращаемся под вечер. Обратная дорога заняла около четырех часов. Останавливаемся перед въездом в парк техники. Люди выпрыгивают из кузовов автомобилей и бегут в часть. Все устали, скорее принять душ, поужинать и единственное развлечение в помещении столовой посмотреть очередной старый фильм.

Но для водителей рабочий день еще не закончен. Нас встречает полковой дозиметрист. Еще раз проверяется уровень радиоактивного загрязнения отдельных частей наших машин – «строжайший контроль». За 50 километров пути в «чистой зоне», от ПуСО до части, уровень радиационного фона повысился до 65–75 мР/час.

Пока машина не будет «отмыта», ее не запустят в парк техники. Возле дороги нас поджидает машина с цистерной наполненной водой из протекающей неподалеку речушки. Мойщиков нет, машины моют сами водители.

Моя машина находится в голове колонны, поэтому я остаюсь возле машины и жду свою очередь на отмывку. Водители, чьи машины находятся в середине и хвосте колонны бегут в часть, на ужин.

Подъезжаю к АРСу, беру брандспойт и начинаю поливать свою машину струей воды с разведенным в ней стиральным порошком. Давление гораздо ниже, чем на ПуСО, поэтому

остаюсь почти сухим. Воду надо экономить, да и другие водители ждут. Управляюсь за пять минут.

«Свой» дозиметрист не цепляется. Формальная проверка радиационного фона и моя машина уже в парке техники.

Надо успеть еще и на ужин. Бегу в столовую. Все люди уже поели, на столе меня ожидает миска с остывшей кашей, на этот раз уже без мяса, и неполная кружка чая с молоком.

На стене растянут экран. Люди начинают занимать места за столами перед показом очередного старого фильма. Один человек, из только что вернувшихся с Чернобыльской АЭС рассказывает «местным» бородатую байку о том, как сегодня на станции он работал в свинцовом фартучке, таким образом «надежно» защитив от радиации свое самое дорогое для мужчины место – выезжавшие на ЧАЭС тоже не потеряли чувство юмора.

* * *

Эта байка пересказывалась в части неоднократно и по этой причине выглядела вполне правдоподобно. Один знакомый «чернобылец», еще недавно рассказывавший мне о том, как они сидели в парке технике ничего не делали, а только пили самогонку, вдруг «вспомнил», что тоже выезжал на Чернобыльскую АЭС и на полном серьезе начал доказывать, что свою мужскую полноценность он сохранил только благодаря тому, что «работал на ЧАЭС в свинцовом фартучке».

Быстро съедаю свою порцию каши и запиваю тремя глотками чая. Чай как всегда не хватает – режим строгой экономии. Экономить надо на всем, даже на воде из-под крана.

После ужина возвращаюсь в парк техники и начинаю готовить свою машину к завтрашнему выезду: заправляю автомобиль с бензовоза, доливаю масло в двигатель и в картер редуктора заднего моста.

У каждого своя работа – кто-то сидит в штабе, скрупулезно подсчитывая набранную другими дозу облучения, кто-то на кухне чистит картошку и варит щи, кто-то в медсанчасти неустанно печется о здоровье военнообязанных, собирая в пробирки их кровь, а кто-то работает на Чернобыльской АЭС – отмывает помещение машинного зала 3-его энергоблока и собирает радиоактивный графит на крыше.

В мои же обязанности входит мойка (дезактивация) тех частей автомобиля, которые не отмывались на ПуСО – это кабина и кузов автомобиля. Эти части автомобиля дезактивируются голыми руками обычной половой тряпкой из ведра воды с разведенным в ней стиральным порошком. Прежде чем приступить к мойке кузова я предварительно выметаю из него радиоактивную пыль. Пыли в кузове больше чем достаточно, никто не обмывал свои сапоги прежде чем лезть в кузов. Каждый раз я выметаю из кузова около полукилограмма этой радиоактивной пыли привезенной с Чернобыльской АЭС. Я работаю в респираторе, а ведь люди снимали свои респираторы при выезде из 30-ти километровой зоны

и оставшуюся часть пути дышали этой пылью – благо в темном кузове не было видно этой тонкой радиоактивной взвеси парящей в воздухе.

* * *

Надо успеть еще и в баню, баня работает до 21 часа. В палатке несколько таких же, как и я запоздалых водителей – остальные люди давно уже помылись и сейчас в столовой смотрят очередной старый фильм.

Своей мочалки из дома я не захватил, поэтому приходится пользоваться общей мочалкой, которую я предварительно споласкиваю под краном водой с мылом – благо мыла достаточно. Спасибо командованию хотя бы за то, что мыло на нас не сэкономило.

Вода чуть тепленькая, но это даже и хорошо, после жаркого дня освежает. Плохо только то, что бежит тоненькой струйкой, стекают последние остатки.

Банщик меняет нижнее белье и портянки на стиранные. Нательное белье и портянки меняются ежедневно, но что толку от смены нательного белья, если верхняя рабочая одежда, которая «звонит» полный рентген/час, не стирается и не меняется?

Ежедневная стирка и замена робы ненамного удорожали бы содержание военнообязанных в полку, но роба не стирается по прямому распоряжению командования. По этому же распоряжению командования после возвращения с Чернобыльской АЭС мы не можем переодеться и в свой чистый комплект подменного обмундирования, «хранящийся» в каптерке у старшины. Ведь для командования мы не люди, для командования мы всего лишь материал для одноразового использования. «Отцы-командиры» руководствовались гуманной целью – сделать все возможное для того, чтобы люди получили возможно большую дозу облучения и долго после этого не мучились. И командование достигло своей цели – подавляющее большинство людей, привлеченных к выполнению работ на Чернобыльской АЭС, умерло в первые месяцы и годы после возвращения со сборов.

Тем не менее, для самоуспокоения после принятия душа мы ежедневно переодеваемся в стиранный комплект нательного белья, а затем облачаемся в свою грязную «звенящую» робу. Командирам рабочая одежда так же не меняется на комплект подменного обмундирования. И несмотря на то, что командиры не лазили на крышу собирать графит и лично не отмывали машинный зал 3-его энергоблока, рабочая одежда у них «звенит» как и у нас рядовых – полный рент-

ген в час.

Писаря жалуются, что когда вечером на планерку собираются командиры вернувшиеся с Чернобыльской АЭС, то у них бедняг в штабе резко повышается уровень радиационного фона. Так, что доза облучения в 9.9 бэр набранная писарями в штабе вполне обоснованна.

Рядом с входной дверью в штаб, на стене под навесом, висит бесплатный круглосуточный междугородний телефон. На крыльце очередь из полутора десятка человек. Решаю, стоит ли занимать, ведь придется ожидать свою очередь еще и после отбоя.

Какой-то щупленький солдатик разговаривает по телефону то ли с мамочкой, то ли с женою, подробно отчитывается обо всех своих действиях за прошедший день. С распирающим хилую грудь самодовольством рассказывает о том, сколько пустых баночек для закрутки ему сегодня удалось насобирать на кухне, сколько банок тушенки приготовил для отправки домой, почем по дешевке купил у старшины офицерский комплект ПШ (полушерстяной), что сегодня кушал в обед и ужин, сколько раз сходил в туалет...

Пиз... говорит минут тридцать – все стоят, молча слушают. Значит вновь не судьба сегодня мне позвонить домой.

* * *

Захожу в красный уголок – никого нет. На столе лежит журнал индивидуального учета набранных доз облучения. Выезды на ЧАЭС в журнале не указываются, просто напро-

тив каждой фамилии по дням проставлена набранная доза облучения – 0.2, 0.2, 0.2... бэр.

В глазах рябит от 0.2. Присмотревшись, замечаю, что-то не так. Вот местами среди 0.2 проскакивает число 0.02. Этой дозой в июне у меня отмечено четыре дня – это означает, что в эти дни я не выезжал на Чернобыльскую АЭС.

По роду выполняемой работы я направлялся на ЧАЭС ежедневно, без выходных и проходных. Иду в штаб выяснять причину. Перед вечерней поверкой все писаря на месте. Нахожу писаря ведущего учет набора личным составом полученных доз облучения и объясняю ему, что у меня имеются путевые листы за все дни выездов в июне на Чернобыльскую АЭС (поначалу я сдавал использованные путевые листы в диспетчерскую, но когда понял, что они никому не нужны, то просто стал складывать их в «бардачок»). Прошу писаря показать приказы о направлении личного состава части для выполнения работ на Чернобыльской АЭС.

– Приказы хранятся в сейфе у командира, но все равно исправить уже ничего нельзя – надо было сразу приходиться – утешает меня писарь.

В общем, сам виноват – оказывается, надо было ежедневно проверять записи в журнале учета набранных доз облучения и чуть, что сразу же бежать в штаб.

* * *

Подобным образом выезды воровались писарями у всех военнообязанных выезжавших на Чернобыльскую АЭС. На вечерней поверке командир полка зачитывал муляж приказа с фамилиями направляемых для выполнения работ на Чернобыльской АЭС, в подлинный же приказ писарями вносились фамилии подставных лиц безвыездно остававшихся при войсковой части. Позже, со второй половины 1987 года, писаря уже перестали воровать выезды – в приказ просто дописывались фамилии «мертвых душ». Таким образом, у лиц безвыездно остававшихся при войсковой части более пяти месяцев, «выездов» подчас оказывалось даже больше, чем у тех, кто действительно работал на Чернобыльской АЭС.

* * *

Строимся на вечернею поверку. После объявления благодарностей командир полка зачитывает приказ на завтра о направлении задействованного состава части на работы по дезактивации объектов Чернобыльской АЭС. На этот раз завтра нашему экипажу (взводу) предстоит дезактивация помещений столовой АБК-2 (административно-бытовой корпус).

Утром по дороге на Чернобыльскую АЭС командир подтверждает.

– Да, действительно вчера из «саркофага» произошел выброс.

Издалека видно как над Чернобыльской АЭС кружит вертолет с подвешенной к нему объемной бадьей, вслед за которой тянется желто-оранжевый дымок – это след распыляемого над территорией АЭС жидкого латекса. Резиновый клей склеивал радиоактивную пыль и не давал ей возможности подниматься в воздух и разноситься ветром по округе (В 1986 году для этой цели использовалась более дешевая жидкость, так называемая барда. В отличие от светлого латекса барда имела темный цвет).

Все, в том числе и местное население, уже знают, раз над «кукумбой» кружит вертолет, значит, вчера на станции был выброс радионуклидов из саркофага.

Еще в первый день выезда на Чернобыльскую АЭС командир рассказал мне байку очень похожую на правду.

– Когда произошел взрыв 4-ого реактора, одна старушка, крестясь, назвала Чернобыльскую АЭС «кукумбой». Это слово всем так понравилось, что с легкой руки бабушки Чернобыльскую АЭС иначе как «кукумбой» никто уже больше и не называл.

В этот раз с нами на станцию «для руководства на месте» выехал и начальник штаба, такой же, как и мы, военнообязанный – майор запаса. Вообще-то в его должностные обязанности не входило участие в работах на Чернобыльской АЭС, но поскольку у начальника штаба подходил к концу срок прохождения сборов, то майор решил хоть один раз отметиться на станции, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

По прибытии на Чернобыльскую АЭС командиры разводят своих людей по объектам. Мы, водители, пока солнце не поднялось высоко и не превратило кабины наших автомобилей в духовки для приготовления курочки гриль, ложимся досыпать в кабинах своих автомобилей.

По наследству от одного из моих предшественников мне досталась ватная фуфайка. Фуфайка «звенит» 90 мР/ч, но что такое 90 мР/ч, если вся кабина «зенит» полный рентген/час, а местами и выше? Кладу фуфайку под голову и моментально засыпаю.

Минут через тридцать стук в дверь кабины.

– Выходи строиться!

Начальник штаба усмотрел непорядок – водители ничем не заняты, спят в рабочее время.

– Мы не хотим заставлять вас работать вместе со всеми

на станции, но вы будете должны по очереди стоять перед входом в помещения, полоскать половички и менять воду в корытцах.

Добрейшей души человек, они не хотят заставлять нас работать вместе со всеми на станции, да и сама идея майора, полоскать половички, просто гениальная, и как только до этого еще никто не додумался? Мне даже захотелось посоветовать майору самому встать возле двери и начать полоскать половички (только в силу присущей мне врожденной скромности я не предложил майору этот альтернативный вариант).

Да и другие водители не оценили по достоинству благую идею начальника штаба. Хором объяснили майору, что от того, как отдохнет водитель будет зависеть безопасность движения и сохранность личного состава.

Убедили.

– Бог с вами, спите – махнул рукой майор.

* * *

Подошел командир.

– Едем на склад за водой.

Склад находится неподалеку от станции. Все помещения вокруг склада разгромлены – «Мамай прошел». Мебель исчезла, со стен сорваны транспаранты, по полу разбросаны никому уже не нужные документы.

В первый раз в 30-ти километровой зоне увидел живого

милиционера. Что он делает здесь на складе? Хотя впрочем, служебные дела милиционера нас не касаются, может быть он склад охраняет от хулиганов, тех самых что разбомбили все соседние помещения. А может быть «шерше ля фам»? – кладовщик женщина.

На месте получаем несколько ящичков с минеральной водой из расчета одна бутылка на двоих.

Обеспечение водой людей, работавших на Чернобыльской АЭС, изначально предусматривалось без ограничения. Именно так и было в 1986 году, но с 1987 года командование перешло на режим «строгой» экономии государственных бюджетных средств, поскольку прекрасно осознавало, что в жару организм человека быстро обезвоживается. Прекрасно понимало командование и последствие обезвоживания – снижение защитных сил организма противостоять воздействию радиации.

* * *

По возвращении на станцию, командир начинает раздавать бутылки с минеральной водой. Просит меня сходить в «курилку» позвать остальных людей.

Подхожу к зданию цеха дезактивации, обмываю сапоги в корытце с водой, прохожу в коридор и нахожу курительную комнату. В нос и голову бьет тяжелый вонючий воздух, хоть «топор вешай». Ощущение такое будто не работает вентиля-

ция. Да, лучше получить дополнительную дозу облучения на улице, но зато дышать чистым воздухом.

Жара – сорок градусов в тени. Но тени, где можно спрятаться от солнца, на территории станции нет. От жары плавится асфальт под ногами, плавятся мозги в голове, желание одно – пить. Не увидел ни одного человека, кто бы выпив половину воды из бутылки, вторую половину воды оставил другому.

Как однажды пошутил Марк Твен.

– Великая сила статистика – один человек съел целую курицу, другой не съел ничего, а в среднем каждый съел по полкурицы.

По установленному порядку к 12 часам дня народ начал собираться возле машин.

Построение. Переключка. Наконец из части подъезжает машина с обедом.

Команда.

– По машинам.

Колона машин двинулась к зданию 5–6 энергоблоков. Моя машина в этот раз остается на месте, сегодня я обедаю в гражданской столовой со своим взводом.

Вскоре к машине подходит командир и мы проходим к небольшому зданию АБК-2, распложенному напротив главного входа в помещение 3-его энергоблока. У входа нет корытца с водой, зато за дверью в ящике кучей лежат войлочные бахилы. Войлочные бахилы точно такие же, какие иногда используются в музеях. Для какой цели войлочные бахилы используются в музеях понятно, для того, чтобы не повредить дорогой паркетный пол, выложенный из ценных пород дерева. Но для какой цели войлочные бахилы нужны здесь, на бетонном полу помещения АБК-2? Эти войлочные бахилы многоразового использования никто и никогда не стирал. Они насквозь пропитались радиоактивной пылью. При каждом шаге в воздух поднимались миллиарды невидимых радиоактивных пылинок. До такого утонченного спосо-

ба травить людей радиоактивной пылью в столовой мог додуматься только «умный» человек, но у нас все командование такое, абы кого не берут в генералы.

Но не умирать же с голоду из-за какой-то там невидимой пыли. Достаем из ящика по паре бахил и надеваем их на свои сапоги. Затем заходим в умывальную комнату. Вымыв руки под краном с мылом, поднимаемся на второй этаж и проходим в длинный зал помещения столовой.

Гражданские уже пообедали и разошлись. Выбираем чистый столик. Стол покрыт белой скатертью, в тарелке, стоящей посредине стола, лежат фрукты. Напротив каждого стула на столе столовые приборы. До слез умиляют белые салфеточки в стаканчике.

«Официант» приносит нам по тарелке салата. На первое суп с фрикадельками. На второе бифштекс с яйцом и сборным гарниром. На третье выпечка и компот... с добавкой! Далеко не в каждой столовой, да что там столовой, далеко не в каждом советском ресторане нас так вкусно и сытно кормили.

* * *

Дезактивация помещений столовой АБК-2 – это только предлог. Фактически все уже давно дезактивировано. Оконные проемы закрыты свинцовыми плитами, все начищено, все блестит. Готовят в столовой гражданские повара, а мо-

ют (дезактивируют) посуду и полы военнообязанные. Они же убирают и со столов. Хотя люди и остаются в своей грязной «звонящей» робе, но на всех белые халаты.

Военнообязанные приступили к мытью посуды и уборке помещения столовой. Чтобы не терять напрасно время командир предлагает пройти на станцию и принять душ.

Захожу в раздевалку, у каждого гражданского здесь свой шкафчик. После работы им меняют не только нательное белье, но ежедневно меняют и белую рабочую одежду. Обслуживают душевую так же военнообязанные.

Раздеваюсь в предбаннике на скамейке. «Банщик» выдает комплект стиранного нательного белья, портянки и маленькое вафельное полотенце, все точно так же, как и у нас в части. Прохожу в душевое отделение и открываю воду – давление не намного ниже, чем на ПуСО. Вот в этом и заключается главное отличие гражданского душа от нашей «бани». Вода не только сбивает с тела весь пот и грязь, но дополнительно и массирует его. Вроде мелочь, а приятно. Вспомнились слова героя одного мультфильма: «Зовут так же, а какая разница в судьбе».

* * *

Приняв душ возвращаюсь к своей машине. Вскоре с 5–6 энергоблока подъезжают и остальные машины. Строимся возле машин. Командиры еще раз проводят перекличку –

никакого нельзя забыть на станции.

Наконец, из помещения АБК-2 подходит командир со своими людьми. Два человека несут большую алюминиевую кастрюлю с вареными сосисками.

Теперь все в сборе. Команда.

– По машинам!.

Установленным порядком возвращаемся в часть.

Вечером писарь из штаба приводит в парк техники мою замену, водителя из вновь прибывшего пополнения.

Все, моя работа на этом закончена, за 46 выездов (по приказам только 39–7 выездов «за того парня») на Чернобыльскую АЭС я набрал свою «безопасную» дозу облучения, в связи с чем больше не допускаюсь к работе в зоне радиоактивного загрязнения.

Передаю ключи от автомобиля новому водителю, объясняю порядок заправки автомобиля, прохождения предрейсового медосмотра и получения путевого листа. Жму руку своему сменщику и желаю ему удачи.

Следующим днем начинаю собираться домой. Чувствую себя как выжатый лимон, хочется лечь и не двигаться.

Николай и Сергей набрали свою дозу ионизирующего облучения раньше меня и уехали домой еще несколько дней назад.

Писарь из штаба каким-то только ему одному ведомым методом, глядя на потолок, подсчитал набранную мною дозу облучения – 9.032 рентген. Фантастическая точность, до тысячных долей рентгена, вот что значит «строжайший радиационный контроль»!

Сдаю старшине грязную робу «со свинцовой пропиткой» и взамен получаю свой легкий хлопчатобумажный костюм,

в котором я прибыл в полк. Пилотка исчезла (в отличие от большинства военнообязанных при обмундировании мне досталась совершенно новая пилотка, а не засаленная Б/У). Спорить со старшиной бесполезно, у него твердый лоб. Но старшина не лишен доброты душевной.

– Можешь оставить себе «афганку».

Бросаю грязную шапочку старшине под ноги.

– Носи ты ее сам, козел!

Захожу в красный угол. Со стены исчез транспарант: «Работа на Чернобыльской АЭС оплачивается в пятикратном размере».

Начальник штаба проводит с вновь прибывшим пополнением занятие по технике безопасности.

– Хождение по территории станции в свободное от работы время запрещается.

– Перед принятием воды на территории станции следует прополоскать рот.

– По возвращении со станции в часть следует вытряхнуть рабочую одежду стоя спиной к ветру.

Это уже прогресс, с нами занятий по технике безопасности никто не проводил. И воду на станции мы пили не прополаскивая рот, и по возвращении в часть не вытряхивали свою одежду. А мы, водители, вдобавок ко всему еще и все шесть часов установленного рабочего времени находились на территории станции, прямо под «звонящими» трубами паропровода.

К штабу подъезжает автомобиль для того чтобы отвести нас до ближайшей железнодорожной станции. Строимся возле машины. Писарь из штаба раздает воинские проездные предписания и справки с отметками о прохождении сборов для предъявления по месту работы: «Оплатить период прохождения сборов в трехкратном размере. Предоставить 10 дополнительных дней к трудовому отпуску».

Почему в трехкратном? Но бежать в штаб выяснять, что-либо уже поздно – лезем в кузов. В дороге выясняется, что далеко не у всех на руках справки об оплате периода сборов в трехкратном размере. У кого-то справки об оплате и в четырехкратном размере. И только у сменившегося вместе с нами командира и одного писаря из штаба справки об оплате периода прохождения сборов в пятикратном размере. Пояснить пикантную ситуацию писарь не захотел, да оно и понятно. Ну, да и Черт с ней с этой справкой, и с этим писаренком в придачу, в конце концов, мы же сюда не на заработки приезжали.

На ближайшей электричке добираемся до Киева. В воинской кассе билетов до Армавира нет на ближайшие трое суток. До Краснодара билеты есть через сутки. Компостирую билет до Краснодара. Многие ждать не хотят и отправляются на автовокзал добираться до дома на перекладных. Я ре-

шил воспользоваться возможностью погулять по Киеву. Военный патруль встретившийся мне на Крещатике не обращает на меня внимания. Без головного убора, в куртке, с наглухо пришитыми в виде погон лоскутками материи, и в широких штанах навывпуск я не похож на военного. В этом наряде я больше похож на автослесаря из ближайшей станции технического обслуживания автомобилей.

После осмотра Киево-Печерской лавры и посещения пещеры с мощами, в которой когда-то, еще тысячу лет назад, жили монахи, оставшуюся часть дня провожу в прекрасном зеленом гидропарке, расположенном на острове в русле Днепра. Парк носит имя украинского поэта и художника Тараса Шевченко. Со школьной скамьи еще не забылся отрывок из его стихотворной баллады «Причина»:

*Рече та стогне Дніпр широкий,
Сердитий витир завива,
Дотолу верби гне високи
Горами хвилю пидійма.*

Глава заключительная

1

Пункт 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации провозглашает:

«Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации».

Пункт 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации, предусматривает:

«Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, проверяет:

по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан – конституционность законов и иных нормативных актов, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты».

Статья 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривает право граждан, чьи права и свободы нарушаются законом, примененном в конкретном деле, на обращение с индивидуальной жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации на нарушение их конституционных прав и свобод.

Статья 36 конституционного закона определяет:

«Поводом для рассмотрения дела в Конституционном суде является обращение в Конституционный Суд Российской Федерации в форме запроса, ходатайства или жалобы. Основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон (проект закона), иной нормативный акт, договор, ...».

* * *

Исходя из указанных норм Конституции Российской Федерации и конституционного закона следует, что Конституционный Суд РФ не проверяет законность судебных постановлений вступивших в законную силу (и с которыми, как законопослушный гражданин, я согласился), но Федеральный конституционный закон предусматривает право граждан Российской Федерации на обращение в Конституцион-

ный Суд Российской Федерации с жалобой (запросом) в случае обнаружившейся неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации закон или иной нормативный акт, примененный в конкретном деле.

Руководствуясь пунктом 1 части второй статьи 15 Конституции Российской Федерации, я обращаюсь в Конституционный Суд РФ с жалобой от 17 января 2023 года о проверке соответствия Конституции Российской Федерации нормативного акта – пункта 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2005 г. № 7:

«Пунктом 2 статьи 29 базового Закона (в редакции Федеральных законов от 24 ноября 1995 г. № 179-ФЗ и от 12 февраля 2001 г. № 5-ФЗ) инвалиды вследствие чернойбыльской катастрофы из числа военнослужащих и других лиц, перечисленных в этой норме, были приравнены по пенсионному обеспечению к гражданам, ставшим инвалидами вследствие военной травмы. Учитывая это, указанные лица до 1 января 2002 г. имели право на получение двух пенсий – пенсии по старости или за выслугу лет и пенсии по инвалидности вследствие чернойбыльской катастрофы – только в случае, когда такие пенсии были назначены на основании Закона Российской Федерации «О государственных пенсиях в Российской Федерации» (статьи 5 и 41), а после этой даты – только на основании пункта 3 статьи 3 Федерального

закона от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» в соответствии с которыми эти люди имеют право на получение трудовой пенсии по старости и пенсию по инвалидности, предусмотренной подпунктом 1 пункта 2 (с применением пункта 3 и пункта 5) статьи 15 этого Закона».

(Опубликовано – «Российская газета» от 14.04.2005 г., «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации» № 6 от 30.06.2005 г.).

* * *

Пункт 2 статьи 29 Закон РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 15.05.1991 г. № 1244–1 (в редакции Федеральных законов от 24.11.1995 г. № 179-ФЗ и от 12.02.2001 г. № 5-ФЗ) гарантировал:

«Назначение пенсий военнослужащим и приравненным к ним по пенсионному обеспечению лицам начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов государственной безопасности, органов гражданской обороны, военнообязанным призванным на специальные учебные и поверочные сборы, направленным и командированным для работы по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС

и при этом исполнявшим обязанности военной службы (служебные обязанности), ставшими инвалидами вследствие чернойбыльской катастрофы в порядке, установленном законодательством Российской Федерации для инвалидов вследствие военной травмы. Им предоставляется право на получение двух пенсий – пенсии по старости (или пенсии за выслугу лет) и пенсии по инвалидности вследствие чернойбыльской катастрофы, на равных основаниях с гражданами ставшими инвалидами вследствие военной травмы или заболевания связанного с пребыванием на фронте, если не оговорено иное.

При получении двух пенсий выплата сумм возмещения вреда, предусмотренного пунктом 25 статьи 14 настоящего Закона, не производится».

*** * ***

Какое отношение имеют граждане, которым пунктом 2 статьи 29 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции от 24.11.1995 г.) гарантировалось назначение пенсии по инвалидности в соответствии с указанной нормой настоящего Закона, к пенсии по инвалидности назначаемой в соответствии с иным законом – Законом РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» (статьи 5 и 41)?

В своей жалобе я указываю и умысел должностных лиц пенсионных отделов на местах при назначении инвалидам вследствие чернойбыльской катастрофы «по их выбору» (статья 5) пенсии по инвалидности, на основаниях предусмотренных для военнослужащих *«вследствие ранения, контузии или увечья полученных при защите СССР»*, в соответствии со статьей 41 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР – возможность расхищать за счет этих инвалидов «вследствие военной травмы» бюджет Пенсионного фонда РФ в особо крупном размере. Назначение инвалидам вследствие чернойбыльской катастрофы пенсии по инвалидности в соответствии со статьей 41 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» лишало последних всех прав гарантированных Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».

В этой связи все выплаты, в виде пенсии по инвалидности «вследствие военной травмы», второй пенсии по старости, и абстрактной, без указания нормы материального права, *«компенсации в сумме возмещения вреда»* производились инвалидам вследствие чернойбыльской катастрофы из бюджета Пенсионного фонда РФ.

В своей жалобе я поясняю, с какой целью Пленум Верховного Суда РФ дополнил постановление от 05.04.2005 г. № 7 пунктом 15 – во-первых, не допустить обнародования причины бездействия Закона РФ «О социальной за-

щите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции от 24.11.1995 г.), в части назначения гражданам, выполнявшим работы в зоне отчуждения, пенсии по инвалидности, как пенсии вследствие трудового увечья, гарантированной им пунктом 1 статьи 29, настоящего Закона (по этой причине в постановлении Пленума от 05.04.2005 г. № 7 Верховный Суд РФ и не упомянул об этой пенсии, равно как и о фактическом заработке начисленном за дни работы в зоне отчуждения), и во-вторых, придать видимость законности применение пенсионными отделами на местах по отношению к этим гражданам иного Закона – Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР», в части пенсионного обеспечения и возмещения вреда.

В своей жалобе я поясняю и причину заставившую законодателя в круг лиц, перечисленных в абзаце первом пункта 2 статьи 29 Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г. и от 12.05.2001 г.), включить все категории граждан, ставших инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы и имевших удостоверение участника ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, в том числе и сугубо гражданских лиц *«направленных или командированных для выполнения работ»*, у кого в справках ВТЭК указана причина инвалидности *«Увечье, полученное при исполнении иных обязанностей военной службы, связано с аварией на ЧАЭС»*, а так же и причину заставившую законодателя без какой-либо

альтернативы исключить, с 01.01.2005 года, из Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» статью 38 – это отсутствие в природе фактического заработка начисленного на основании нормативных актов по оплате труда за дни работы в зонах опасности.

* * *

Пунктом 2 своей жалобы я прошу Конституционный Суд Российской Федерации проверить, соответствует ли Конституции Российской Федерации, ее статьи 39 (*Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, инвалидности и в иных случаях, установленным законом. Государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом*), применение по отношению ко мне, как к гражданину указанному в пункте 2 статьи 13 (в моем случае – это *«инвалид, из числа военнообязанных призванных на специальные сборы и привлеченных к выполнению работ в зоне отчуждения»*) Закона РФ от 15.05.1991 г. № 1244–1, иного закона – Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР», путем назначения (с установлением инвалидности 29.05.1996 года), вопреки моему волеизъявлению, пенсии по инвалидности в соответствии со статьей 41 настоящего Закона РСФСР, в то время как лично подписанным заявлением я просил Отдел социального обеспечения города Армавира

назначить пенсию по инвалидности, как пенсию вследствие трудового увечья, гарантированную мне пунктом 1 статьи 29 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 15.05.1991 г. № 1244–1 (в редакции Федерального закона от 24.11.1995 г. № 179-ФЗ)?

В жалобе я указываю, что с 15.02.2001 года, без какого-либо уведомления «в автоматическом режиме» (якобы «в связи с изменением законодательства») мне была «назначена» и вторая пенсия по старости, «исчисленная» без учета трудового стажа и заработка, в размере минимальной пенсии.

Ни в порядке гражданского судопроизводства, ни в порядке уголовного судопроизводства восстановить нарушенное право, гарантированное статьей 39 Конституции Российской Федерации на назначение государственных выплат в порядке установленном законом, т. е. на основании своего лично подписанного заявления и на основании своих подлинных документов, мне не удалось. Воспользоваться советом прокурора города Армавира А. П. Чередниченко, обратиться с заявлением к УПФР в г. Армавири об отказе получения незаконных денежных выплат, не считал возможным в связи с тем, что ни к кому не обращался с заявлением о назначении этих выплат.

Пользуясь правом выбора пенсии я неоднократно обращался с письменными заявлениями, как к УСЗН, так и к

УПФР в. Армавире, с просьбой о назначении пенсии по инвалидности в соответствии с пунктом 1 статьи 29 Закона РФ от 15.05.1991 г. № 1244–1 (в редакции Федерального закона от 24.11.1991 г. № 179-ФЗ) – мои обращения оставались без ответа, приложенные, нотариально заверенные, копии документов не возвращались, но и к материалам, так называемых, «выплатного» и «личного» дел не приобщались.

* * *

При оформлении жалобы я выполняю все требования, предусмотренные статьями 36, 37 и 38 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», и помимо нотариально заверенных копий документов (выписка из военного билета, о выполнении работ в 3-й зоне опасности; справки ВТЭ и МСЭ, об установлении инвалидности и определении степени утраты профессиональной трудоспособности; справка о фактическом заработке, начисленном на основании нормативных актов по оплате труда за дни работы в 3-й зоне опасности; приказ о включении начисленных сумм в мой лицевой счет за 1987 год; подложное заявление о назначении пенсии *«по инвалидности»* с выполненной от моего имени подписью; справка эксперта; протокол Армавирского РАЙ(ГОР) СО от 17.09.1996 года, о назначении пенсии *«ст. 36, 41»* и без указания нормы права *«компенсации в сумме возмещения вре-*

да», «исчисленной» из заработка равного семи МРОТ; постановления об отказе в возбуждении уголовного дела; письмо Генеральной Прокуратуры РФ от 11.05.2022 г. и других) я прикладываю и заверенную копию решения Армавирского городского суда от 01.02.2010 года (которым суд отказал мне в праве на подсчет трудового стажа и исчисление размера пенсии по старости, в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 29.01.2004 г. № 2-П, по нормам действовавшего до 01.01.2002 года Закона РФ «О государственных пенсиях в РФ») – единственного решения которым суд достоверно установил факт назначения мне пенсии по инвалидности в соответствии с Законом РФ «О государственных пенсиях в РФ» (остальными решениями Армавирского городского суда, суд «устанавливал», что пенсия по инвалидности была мне *«установлена на основании (или в порядке) пункта 2 статьи 29 Закона РФ от 15.05.1995 г. № 1244-1»*).

Факт назначения пенсии по инвалидности в соответствии со статьей 41 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» подтверждается и нормативным актом, конституционность которого я прошу проверить – пунктом 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.04.2005 г. № 7: *«право на получение двух пенсий – по старости и по инвалидности, имели только лица, кому такие пенсии были назначены на основании Закона Российской Федерации «О государственных пенсиях в Российской Федерации» (статья*

5 и 41)».

К жалобе я не забываю приложить и квитанцию об уплате государственной пошлины.

2

Не дождавшись из Конституционного Суда РФ ответа на мою жалобу от 17 января 2023 года, я направил в Секретариат Конституционного Суда РФ письмо с просьбой предоставить ответ.

Письмом Секретариата Конституционного Суда № 2860/15–01/2023 от 07.04.2023 года я был уведомлен о том, что мое обращение от 17.01.2023 года, в соответствии со статьями 40 и 111 Федерального закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрено в Секретариате Суда. Уведомление об этом было направлено 21 **апреля** (вероятно описка – февраля) 2023 года по указанному в обращении адресу. Согласно приложенного к письму отчета об отслеживании почтовых отправок, данное уведомление (бандероль 260 гр.) было получено адресатом 28 февраля 2023 года в 12:25.

* * *

К сожалению эту бандероль из Конституционного Суда РФ я не получал, но это и не важно, судя по указанному весу бандероли (260 гр.) мне была возвращена моя жалоба со всеми приложенными документами.

Иными словами, без предварительного изучения судьей

(судьями) Конституционного Суда Российской Федерации моей жалобы и решения вопроса о принятии данного обращения для рассмотрения в заседании Конституционного Суда РФ, в нарушение статей 41 и 42 Федерального конституционного закона, Секретариат Суда без уведомления, предусмотренного статьёй 40 Федерального конституционного закона: *«Секретариат Конституционного Суда уведомляет заявителя о несоответствии его обращения требованиям настоящего Федерального конституционного закона. Заявитель после устранения указанных недостатков вправе вновь направить обращение в Конституционный Суд РФ»*, без какой-либо мотивировки и без указанных в статье 111 Федерального конституционного закона полномочий, решил, что моя жалоба не подлежит рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации.

Статья 40 конституционного закона предусматривает уведомление Секретариатом Суда заявителя о несоответствии его обращения требованиям настоящего Федерального закона. В этом случае *«заявитель вправе потребовать принятие Конституционным Судом РФ решения по этому вопросу»*.

Пользуясь правом, предусмотренным статьёй 40 конституционного закона я обращаюсь в Конституционный Суд РФ с просьбой вынести решение об отказе в принятии к рассмотрению моей жалобы, поданной с соблюдением всех требований предусмотренных статьями 37 и 38 настоящего конституционного закона и оплаченной государственной по-

ШЛИНОЙ.

* * *

Не дождавшись из Конституционного Суда РФ ответа я уже решил, что и на этот раз Конституционный Суд оставил моё заявление без рассмотрения. Но в июле 2023 года на сайте Конституционного Суда РФ обнаруживаю вынесенное задним числом:

**«ОПРЕДЕЛЕНИЕ Конституционного
Суда Российской Федерации**

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ковалева Виктора Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктом 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».
город Санкт-Петербург
30 мая 2023 года».

* * *

Вообще-то в своей жалобе я никоим образом не указывал, что пунктом 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.04.2005 года было нарушено какое-то мое, не озвученное Конституционным Судом, конституционное право. В своей жалобе я просил Конституционный Суд РФ проверить соответствует ли нормативный правовой акт – пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ, Конституции Российской Федерации, её пункту 1 части второй статьи 15 (*Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации*).

И далее:

«Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей ... (девять фамилий),

Рассмотрев по требованию гражданина В. М. Ковалева вопрос о возможности принятия его жалобы к рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации,

установил:

1. Гражданин В. М. Ковалев оспаривает

конституционность пункта 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2000 года № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2005 года № 7), **разъясняющего порядок применения пункта 2 статьи 29 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 года № 1244–1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»** (в редакции федеральных законов от 24 ноября 1995 года № 179-ФЗ и от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ) при решении вопросов пенсионного обеспечения инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы из числа военнослужащих и других лиц, перечисленных в названной норме».

* * *

Дальше уже можно и не читать. Таким нехитрым образом Конституционный Суд РФ, в лице председателя Зорькина и компании, показал, что нормативный правовой акт – пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ, «кон-

ституционность которого оспаривает гражданин В. М. Ковалев», не противоречит Конституции Российской Федерации – как подзаконный нормативный акт он «разъясняет порядок применения пункта 2 статьи 29 Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г. и от 12.02.2001 г.)».

Нормальное «разъяснение» – если гражданину, перечисленному в пункте 2 статьи 29, назначить пенсию по инвалидности в соответствии с указанной нормой Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г. и от 12.02.2001 г.), то ему предоставляется право выбора – получать вторую пенсию по старости (за выслугу лет) или получать ежемесячную денежную сумму в возмещение вреда, предусмотренную пунктом 25 статьи 14 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС». А если этому гражданину назначить пенсию по инвалидности в соответствии с Законом РФ «О государственных пенсиях в РФ» (статьи 5 и 41) или в соответствии с Федеральным законом «О государственных пенсиях в РФ» (пункт 3 статьи 3 (с применением пункта 3 и пункта 5) статьи 15 этого Закона), то он уже может получать сразу три выплаты – и пенсию по инвалидности вследствие военной травмы, и вторую пенсию по старости (за выслугу) лет, и ежемесячную сумму в возмещение вреда, предусмотренную пунктом 25 статьи 14 Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г. и от 12.02.2001 г.) – ну и где же здесь противоречие Конституции Российской Федерации, если указанный нормативный

акт вынесен в интересах перечисленных лиц?

В своем «определении» Конституционный Суд РФ даже и не указывает на эти «выгодные» Законы – понятно, что без всякого умысла.

Ведь даже само название постановления Пленума Верховного Суда РФ *«О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами, прав, гарантированных Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергнувшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»* говорит о том, что данным постановлением рассматриваются вопросы связанные с реализацией инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы прав, гарантированных им настоящим Законом РФ.

Понимали судьи Конституционного Суда РФ умысел Пленума Верховного Суда РФ при сочинении данного нормативного акта. Понимали судьи Конституционного Суда и умысел должностных лиц на местах при назначении инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы пенсии по инвалидности в соответствии со статьей 41 Закона РФ «О государственных пенсиях в РФ».

Понимали судьи Конституционного Суда РФ и причину заставившую законодателя включить в круг лиц, имеющих право на назначение пенсии по инвалидности, в порядке предусмотренном законодательством Российской Федерации для инвалидов вследствие военной травмы, и сугубо

гражданских лиц.

Понимали судьи Конституционного Суда РФ и причину бездействия пункта 1 статьи 29, гарантировавшего назначение пенсии по инвалидности, как пенсии вследствие трудового увечья, Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г.) – это отсутствие в природе фактического заработка определяемого статьей 38 настоящего Закона и принимаемого для назначения пенсий.

Но не мог Конституционный Суд Российской Федерации признать нормативный правовой акт – пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.04.2005 года, противоречащим Конституции Российской Федерации, её части второй пункта 1 статьи 15. И не только потому, что в этом случае пришлось бы какому-то там Ковалеву пересматривать все его дела начиная с момента назначения пенсии по инвалидности в соответствии со статьей 41 Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР». И даже не только потому, что в этом случае пришлось бы пересматривать дела и всех других инвалидов вследствие черныбыльской катастрофы, кому пенсии по инвалидности до 01.01.2002 года были назначены в соответствии с Законом РФ «О государственных пенсиях в РФ» (статьи 5 и 41), а после этой даты в соответствии с Федеральным законом «О государственном пенсионном обеспечении в РФ» (на основании пункта 3 статьи 3 (с применением пункта 3 и пункта 5) статьи 15 этого Закона). Поскольку ранее, за два года до подачи

мною жалобы, Определением от 19.01.2021 года № 1-О, Конституционный Суд РФ обосновал право всех категорий инвалидов вследствие чернойбыльской катастрофы, кому пенсии по инвалидности назначались на основании Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в РФ», и на назначение второй пенсии на условиях предусмотренных Федеральным законом «О страховых пенсиях». При этом Конституционный Суд РФ сослался на статью 1: «*Воинская обязанность*» Федерального закона от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ, пунктом 1 определяющим случаи относящиеся к воинской обязанности, в частности – «*пребывание в запасе*», и «*призыв на военные сборы и прохождение военных сборов в период пребывания в запасе*», и на статью 37 настоящего Закона: «*Исполнение обязанностей военной службы*», разъясняющую случаи относящиеся к исполнению обязанностей военной службы лицами указными в пункте 1 настоящей статьи: «*Военнослужащий, гражданин, проходящий военные сборы, и гражданин пребывающий в мобилизационным людском резерве*» (подчеркнутая часть дополнена законом от 30.12.2012 г. № 288-ФЗ), в том числе и в предусмотренном подпунктом «п» случае: «*участия в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф*».

Не забыл Конституционный Суд РФ сослаться и на аналогичную позицию Пленума Верховного Суда РФ, выраженную им в пункте 15 постановления от 05.04.2005 г. № 7,

согласно которой право на получение двух пенсий имели только те граждане, перечисленные в абзаце первом пункта 2 статьи 29 Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г. и от 12.02.2001 г.), кому пенсии по инвалидности назначались в соответствии с Законом РФ «О государственных пенсиях в РФ» или Федеральным законом «О государственном пенсионном обеспечении». И согласно которой в этом случае за инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы, помимо назначения второй пенсии по старости, сохранялось право и на назначение ежемесячной денежной суммы в возмещение вреда в соответствии с пунктом 25 статьи 14 Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г. и от 12.02.2001 г.).

Но в определении от 19.01.2021 г. № 1-О Конституционный Суд РФ не ответил на главный вопрос – сохраняется ли за инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы, перечисленными в абзаце первом пункта 2 статьи 29 Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г. и от 12.02.2001 г.), при назначении пенсии по инвалидности вследствие военной травмы в порядке предусмотренном Федеральным законом «О государственном пенсионном обеспечении в РФ», помимо приобретения права на назначение страховой пенсии, и право на назначение ежемесячной денежной суммы в возмещение вреда, в соответствии с пунктом 25 статьи 14 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции от 24.11.1995 г. и от 12.02.2001 г.)?

Понятно, что так же без всякого умысла – рассмотрение этого вопроса Конституционный Суд РФ оставил на усмотрение отдельно взятого федерального судьи общей юрисдикции, исходя из внутрененного убеждения последнего.

Конституционный Суд РФ отнес прохождение военнообязанными специальных учебных и поверочных сборов и выполнение работ командированными и направленными гражданами, к исполнению обязанностей военной службы, сославшись на статью 37 Федерального закона от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ подпунктом «п» пункта 1 поясняющего относящийся к исполнению обязанностей военной службы случай: *«участие в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф».*

Участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС приняли 600 тысяч человек. Но подавляющее большинство из этих **участников**, занятых на подсобных работах (штаб, парк техники, медсанчасть, столовая и т. п.), и близко не приближались ни к одной из зон подвергшихся радиоактивному загрязнению. И все эти участники гордятся тем, что законодатель по пенсионному обеспечению приравнял их к военнослужащим и предусмотрел возможность получать три государственных выплаты, исчисленные из мифических, ничем не подтверждаемых, и в десятки раз превышающих кратность оплаты тарифа, *«доплат за нахождение».*

Но разве это обстоятельство лишает тех немногих гражд-

дан, указанных в пункте 2 статьи 13 (*инвалид, из числа военнообязанных призванных на специальные сборы и привлеченных к выполнению работ в зоне отчуждения*), Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г. и от 12.02.201 г.), работа которых в течении установленного 6-и часового рабочего дня на Чернобыльской АЭС (с учетом перерыва на обед на 5–6 недостроенных энергоблоках) подтверждена архивными документами, у которых в справках ВТЭК указана причина инвалидности: *«Увечье, полученное при исполнении иных обязанностей военной службы, связано с аварией на ЧАЭС»* и определена **степень утраты профессиональной трудоспособности**, кто смог предоставить документы о фактическом заработке начисленном на основании нормативных актов по оплате труда **за дни работы в зонах опасности**, права на назначение **только одной пенсии** по инвалидности, как пенсии вследствие трудового увечья, гарантированной им пунктом 1 статьи 29 Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г.)?

* * *

Но знакомимся с определением Конституционного Суда РФ далее:

«Полагая, что ему, как инвалиду-чернобыльцу, была незаконно назначена пенсия по инвалидности в соответствии со статьей 41 Закона Российской

Федерации от 20 ноября 1990 года № 340–1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации», т. е. на условиях и по нормам, предусмотренным для инвалидов вследствие военной травмы, а не для пострадавших от трудового увечья, заявитель просит проверить законность соответствующего правоприминительного решения».

«Полагая...», как «доходчиво» Конституционный Суд РФ в своем определении от 30 мая 2023 года изложил мою просьбу о проверке соответствия Конституции Российской Федерации, ее части 2 статьи 39, применение по отношению ко мне, как к гражданину указанному в пункте 2 статьи 13 Закона РФ от 15.05.1991 г. № 1244–1 (в редакции от 24.11.1995 г.), иного закона – Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР», путем назначения вопреки моему волеизъявлению пенсии по инвалидности в соответствии со статьей 41 настоящего Закона, по существу лишившей меня всех прав гарантированных Законом РФ (в редакции от 24.11.1995 г.), в том числе и права на назначение пенсии по инвалидности, как пенсии вследствие трудового увечья, в соответствии с гарантированной и конституционно подтвержденной («со 2 марта 1996 года пенсии по инвалидности возвращена её изначальная социально-правовая природа – быть основным и постоянным источником средств к существованию для инвалидов-чернобыльцев. Следовательно, данное положение пункта 1 части первой статьи 29 За-

кона РФ (в редакции от 24 ноября 1995 года) не противоречит Конституции Российской Федерации») нормой пункта 1 статьи 29 Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г.), соответственно и права на назначение ежемесячной суммы в возмещение вреда вследствие трудового увечья.

При этом, не отвечая на поставленный в жалобе вопрос, Конституционный Суд Российской Федерации дает ясно понять, что пенсия по инвалидности в соответствии со статьей 41 Закона РФ «О государственных пенсиях в РФ», «ему, как инвалиду-чернобыльцу», была назначена на законных основаниях *«т. е. на условиях и по нормам, предусмотренным для инвалидов вследствие военной травмы, а не пострадавших от трудового увечья»*.

Как и в случае с первым вопросом, не мог Конституционный Суд Российской Федерации допустить рассмотрение и второго вопроса. Ведь рассмотрение этого вопроса привело бы к точно таким же последствиям. Конституционному Суду РФ пришлось бы признать, что конституционно подтвержденная (постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 г. № 18-П) норма пункта 1 статьи 29 Закона РФ (в редакции от 24.11.1995 г.) не действовала, а это уже прямое умаление значимости самого Конституционного Суда Российской Федерации – ну не мог Конституционный Суд РФ допустить разглашения так долго, и так тщательно скрываемой государственной «тайны», ведь в этом случае..., даже и подумать страшно. Не случайно же Конституционный Суд

РФ в своем определении даже и не упомянул об этой пенсии по инвалидности, как пенсии вследствие трудового увечья назначаемой в соответствии с пунктом 1 части первой статьи 29 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции от 24.11.1995 г.). В этой связи «за ненадобностью» Конституционный Суд РФ не указал и ни на один приложенный к жалобе документ.

И не случайно Конституционный Суд РФ указал на придуманный им еще в 1997 году и примененный по отношению ко мне, как к гражданину указанному в пункте 2 статьи 13 Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации ...», обобщенный статус участника: **«инвалид-чернобылец»** – не надо никому доказывать в какой зоне опасности ты работал, и работал ли ты в этой зоне вообще, и имеешь ли ты право на назначение пенсии по инвалидности, как пенсии вследствие трудового увечья, и вообще не надо никому ничего доказывать.

Складывается впечатление, будто судебная коллегия Конституционного Суда в полном составе на судебное заседание 30 мая 2023 года явилась не до конца отошедшая от похмельного синдрома. Но это впечатление обманчиво – не могли все десять судей Конституционного Суда РФ явиться на судебное заседание с больной головой, а это значит, что сознательно судьи Конституционного Суда Российской Федерации исказили мое требование до маразматизма – как из

этой галиматъи можно понять мою просьбу о проверке соответствия нормативного правового акта, – пункта 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ, Конституции РФ, ее пункту 1 части 2 статьи 15?

Как из этой ахиinei можно понять мою просьбу о проверке соответствия Конституции Российской Федерации, ее статье 39 части 2, применение по отношению мне, как гражданину указанному в пункте 2 статьи 13 Закона РФ от 15.05.1991 г. № 1244–1 (в редакции от 24.11.1995 г.), иного закона – Закона РСФСР «О государственных пенсиях в РСФСР» путем назначения, на основании подложного заявления с выполненной от моего имени подписью, пенсии по инвалидности вследствие военной травмы в соответствии со статьей 41 настоящего Закона?

И далее:

«Кроме того, В. М. Ковалев ходатайствует об изменении порядка исчисления срока для обращения с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации, который просит считать со дня получения им ответа Генеральной прокуратуры Российской Федерации об отказе в возбуждении уголовного дела по факту нарушения его права на назначение социальных выплат в порядке, предусмотренном законом.

По мнению заявителя, оспариваемые положения не соответствуют статье 39 (часть 2) Конституции Российской Федерации, поскольку препятствуют реализации и защите права инвалида-

чернобыльца на пенсионное обеспечение и возмещение вреда, причиненного его здоровью, на условиях, предусмотренным законом».

* * *

Действительно для соблюдения формальности в своей жалобе я просил Конституционный Суд РФ исчислять срок подачи жалобы с 11 мая 2022 года – момента предоставления Генеральной Прокуратурой РФ письма с уведомлением об отказе в рассмотрении заявления о преступлении от 11.04.2022 года, направленного в защиту нарушенного конституционного права на назначение государственных выплат в порядке установленном законом и на обнародование причины бездействия Закона РФ от 15.05.1991 г. № 1244–1 (в редакции от 24.11.1995 г.) в части пенсионного обеспечения и возмещения вреда.

При этом я руководствовался пунктом 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации, предусматривавшим возможность обращения в Конституционный Суд РФ с жалобой: *«если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты»*, полагая, что в понятие *«все другие внутригосударственные средства судебной защиты»* входят не только дела рассматриваемые в гражданском судопроизводстве, но и дела рассматриваемые в уголовном судопроизводстве.

Не указав дату письма Генеральной прокуратуры Российской Федерации от **11 мая 2022 года**, Конституционный Суд Российской Федерации указал на просроченный срок подачи жалобы – 07 декабря 2020 года (момент вступления в силу решения Армавирского городского суда от 16.07.2020 года, в котором суд ни словом не обмолвился о пенсии по инвалидности, назначаемой в соответствии со статьей 41 Закона РФ «О государственных пенсиях в РФ», зато суд трижды «установил», что пенсия по инвалидности была мне установлена в порядке пункта 2 статьи 29 Закона РФ от 15.05.1991 г. № 1244–1 (в редакции от 24.11.1995 г.).

* * *

«Установив» отсутствие какой-либо неопределенности в поставленных в жалобе вопросах Конституционный Суд Российской Федерации переходит к обоснованию законности отказа принятия моей жалобы к рассмотрению:

«Конституционный Суд Российской Федерации изучив представленные материалы, не находит оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению».

На двух страницах Конституционный Суд Российской Федерации перечисляет различные нормы Конституции Российской Федерации и Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в си-

ду которых Конституционный Суд РФ не может проверить поставленные в жалобе вопросы, поскольку: *«постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, как акты толкования закона не могут выступать самостоятельным предметом проверки Конституционного Суда Российской Федерации».*

Оказывается постулаты Конституции Российской Федерации, в частности догмы пункта 1 статьи 15: *«законы и иные нормативные акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации»* и пункта 4 статьи 125: *«Конституционный Суд Российской Федерации проверяет – конституционность законов и иных нормативных актов»*, не следует понимать дословно – право выбирать, какие именно из этих *законов и иных нормативных актов* нуждаются в проверке – это прерогатива Конституционного Суда Российской Федерации.

«При этом согласно части второй статьи 74 названного Федерального конституционного закона они подлежат учету при принятии решения по делу о проверке конституционности нормативных положений, примененных в конкретном деле. Однако в жалобе В. М. Ковалева вопрос о проверке конституционности нормативных положений, примененных в его деле, не ставится».

Следовательно, Конституционный Суд Российской Феде-

рации понимал суть моего обращения о проверке конституционности нормативного положения – назначения вопреки моему волеизъявлению пенсии по инвалидности к которой я не имел никакого отношения и которую никого не просил мне назначать, хотя возможно изложенного и в недостаточно доступной для понимания судьями Конституционного Суда форме. И далее:

«Жалоба гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод нормативными актами (указанными в пунктах «а», «б» части 2 статьи 125 Конституции Российской Федерации) (Для справки – часть 2 статьи 125 Конституции РФ – это: «Конституционный Суд РФ по запросам Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, одной пятой сенаторов РФ или депутатов Государственной Думы, Правительства РФ, Верховного Суда РФ, органов законодательной и исполнительной власти субъектов РФ разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации:

а) федеральных конституционных законов, федеральных законов, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ;

б) Конституций республик, а так же законов и иных нормативных актов субъектов субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению органов государственной власти и субъектов РФ») признается допустимой, в частности, если

она подана в срок не позднее одного года после принятия судебного решения, которым исчерпываются все другие внутригосударственные средства судебной защиты. Между тем с момента вынесения последнего судебного акта по делу М. В. Ковалева (а именно апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 7 декабря 2020 года) до его обращения в Конституционный Суд Российской Федерации прошло более года, а представленные им документы не подтверждают исчерпание внутригосударственных средств судебной защиты.

Проверка же правильности определения оснований для назначения заявителю пенсии, как предполагающая оценку правомерности принятых по его делу судебных постановлений и других правоприменительных решений, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации не относится (это уже предположение самого Конституционного Суда Российской Федерации – в своей жалобе я не забыл указать, что согласен со всеми ранее вынесенными судебными постановлениями и правоприменительными решениями).

Исходя из изложенного, Конституционный Суд Российской Федерации

определил:

- 1. Отказать в принятии к рассмотрению*

жалобы гражданина Ковалева Виктора Михайловича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой, и поскольку разрешение поставленных в ней вопросов Конституционному Суду Российской Федерации не подведомственно.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

*Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. Зорькин.*

Ну вот и всё – моя многолетняя борьба с государством, направленная в защиту нарушенного конституционного права на назначение государственных выплат, гарантированных Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», в установленном законом порядке, бесславно проиграна.

Я убедился – все возвышенные постулаты Конституции Российской Федерации, от созерцания которых глаза застилают слезы умиления: *«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»*, на деле не более чем красивый фантик гнилой кон-

фетки для народа.

* * *

Отказ Конституционного Суда Российской Федерации рассмотреть поставленные в жалобе вопросы, представив их личным мнением слабоумного человека, равно как отказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации рассмотреть мое заявление о преступлении от 11.04.2022 года, свидетельствует о том, что все изложенные мною факты события преступлений, приведшие к бездействию Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», в части пенсионного обеспечения и возмещения вреда, соответствуют действительности, и о попытке государства, в лице прокуратуры и суда, не допустить предания огласке так долго скрываемой «тайны», разглашение которой не выгодно никому – ни самому государству, ни самим «пострадавшим» гражданам.

А разве сокрытие преступления работниками прокуратуры и судьями всех ветвей судебной власти не делает этих людей соучастниками преступления?

Только вот удастся ли нашему государству сохранить в тайне все указанные мною преступления (*это и геноцид командования в отношении людей в принудительном порядке выполнявших работы в самой опасной зоне радиоактив-*

ного загрязнения; это и лишение этих людей фактического заработка начисленного на основании нормативных актов по оплате труда за дни работы в зонах опасности; это и бездействие в этой связи Закона РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции от 24.11.1995 г.), в части назначения людям, утратившим трудоспособность вследствие радиационного облучения, пенсии по инвалидности, как пенсии вследствие трудового увечья; это и расхищение мошенниками всех мастей из органов пенсионного обеспечения и социальной защиты населения за счет инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы пенсионного и федерального бюджетов в особо крупном размере; и все другие, вытекающие в этой связи, преступления), в результате которых этому самому «правовому» и «социальному» государству был нанесен значительный материальный ущерб, и хуже того, тяжелый моральный вред?